
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес
(г. Москва)

БОРОДАТЫЕ БОГИ
Киноповесть

Действительный член Академии российской литературы, действительный член Академии гуманитарных наук России, член Московской городской организации Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова и Г. Р. Державина, лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова, лауреат премии литературного агентства «Московский Парнас», лауреат премии «Золотая осень» с вручением ордена С. А. Есенина. Лауреат премии «За лучшую детскую книгу» 2011—2012 гг. с вручением медали имени С. Я. Маршака, лауреат премии «Золотое перо Московии» Московской областной писательской организации, лауреат Золотого диплома имени Ф. И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России, лауреат премии «Серебряный крест», лауреат Всероссийской премии имени П. Л. Проскурина, дважды лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Автор 17 прозаических и поэтических книг.

Аннотация киноповести «Бородатые Боги»

Чернобыльская катастрофа, которая случилась 26 апреля 1986 года, не пощадила никого: ни работавших на четвертом энергоблоке сотрудников, ни тех, кто проживал в 30-километровой зоне, ни тех, кто жил в сотнях и тысячах километров от этого места. Среди пострадавших оказались и дети.

Ни одна страна в мире не сумела обеспечить комплексное массовое лечение подвергшихся радиационному излучению. Только Республика Куба обеспечила реализацию этого грандиозного проекта.

Евгений Иванович Чазов, министр здравоохранения СССР на тот период, провел переговоры.

Всего кубинские специалисты обеспечили излечение 24 471 больного, исчисляя с 29 марта 1990 года по 1 июня 2014 года, из них 20 419 — дети.

Киноповесть рассказывает о судьбе подростка, жителя одного из райцентров Брянской области, которому было десять лет на дату аварии. Кубинские медики вы-

лечили и его, и всех остальных детей, проживавших в ряде областей РСФСР, Белоруссии, Украины и ряда районов Молдавии. Все они выжили.

Эта киноповесть — свидетельство совместного подвига кубинских медиков и советских детей, зримый символ дружбы между нашими народами.

Раннее хмурое утро. Начало марта. По Брянской области идет пассажирский поезд. Разнокалиберные вагоны: несколько вагонов начала 60-х годов, два — современных купейных, остальные — вагоны 70-х годов. Всего состав насчитывает 14 вагонов.

Сначала — панорамная съемка движущегося состава, затем камера приближается.

Съемка в вагоне.

Развязный молодой мужчина лет 30-ти с наколкой на пальцах правой руки «Толя» в светло-голубых джинсах и тельняшке подходит к купе проводника и тихонько стучит. Дверь с грохотом открывается и он видит заспанное лицо проводницы.

Проводница: Ну чё тебе надо?

Пассажир: С добрым утром, любезная! А на станции Тихая пристань поезд останавливается?

Проводница: Да, минутная остановка. Может, кто сядет.

Пассажир: Слушай, а если я выйду на этой станции?

Проводница: Да иди хоть к черту. И какая только муха тебя в задницу укусила. Вон, до нашей узловой станции райцентра еще полтора часа. Поспать не дал.

Пассажир: Может, это меня неистребимый поездной клоп укусил, а не муха? (осклабился мужчина).

Проводница (ласково хлопает его по ноге ладонью): Вон у тебя какие джинсы импортные. Модные, тугие. Ни один клоп не пролезет.

Они оба довольные друг другом хихикают. Мужчина прибалтливой походкой, сторожко ступая, идет в свое дальнее купе, а проводница, тяжело вздохнув, надевает на свои отекающие ноги короткие сапожки, берет тряпку, желтый флажок и идет в тамбур. Поезд начинает медленно притормаживать.

Проводница открывает дверь, поднимает площадку. Мужчина дышит ей в спину.

В это время поезд вдруг резко тормозит. Проводница профессионально успевает ухватиться за поручень, а мужчина бьется плечом в стену тамбура, охает и слегка приседает. Из вагона слышны недовольные вскрики пассажиров.

И вдруг раздается визгливый женский голос:

— Этот Толя у меня чемодан украл, сволочь!

Полуодетая женщина лет 27 бежит по коридору к тамбуру. От этого выкрика мужчина мгновенно привстает, подобно пружине, отталкивает проводницу и пытается выпрыгнуть на землю. Чемодан бьет проводницу по колену. Ей больно, но она успевает ухватить его за рукав пуховика. Чемодан с грохотом летит по ступенькам и падает на землю. Мужчина кубарем скатывается с лестницы и падает ягодицами на чемодан. Выскочившая в тамбур пассажирка самозабвенно кричит, протягивая вперед руки:

— Вот он, вот он, вор! Украл мой большой желтый чемодан!

Проводница свистит в свисток. Попутно нажимает на какую-то кнопку в тамбуре. Раздается звук сирены. Мужчина хватается за ручку и, прихрамывая, начинает удаляться от вагона. Но уже поздно. Из других вагонов выскакивают несколько проводников — мужчин и женщин. Раздается милицейская трель дежурного милиционера, который сопровождает состав.

Мужчина понимает, что с чемоданом ему не убежать, с досадой отбрасывает его назад и сбивает с ног преследующего его одного из проводников. Вслед ему слышится ругань. Мужчина успевает пробежать еще шагов тридцать, как вдруг слышит сопение позади себя и один из преследователей хватается за воротник. Оба падают, но борьба не завязывается. Мужчина раскидывает руки, лежа на спине, и примирительно кричит:

— Сдаюсь, сдаюсь. Ваша, сволочи, взяла.

Несколько мужчин рывком поднимают его на ноги, а проводница бьет его по щекам и громко кричит:

— Я двадцать один год работаю проводником, я — ударник коммунистического труда! У меня четыре вымпела за хорошую работу в купе висят! У меня было пять начальников поездов и никто никогда мне и замечания не сделал! А тут такой гад попался!

Один из проводников хватается проводницу за руки и примирительно говорит:

Проводник: Ну все, Тамара, все! Мы сейчас доедем до узловой станции райцентра и сдадим его в линейное отделение милиции. А твоей вины-то никакой нет. Если такие псевдопассажиры появляются.

Процессия идет обратно к поезду. Проводница всхлипывает, камера крупно показывает ее лицо. Она смахивает ладонью слезы, потом достает из кармана салфетку и вытирает лицо. Понемногу успокаивается.

Возле вагона стоит обворованная пассажирка и радостно вопиет.

Пассажирка: Поездного вора поймали. Гаденыша ведут.

Она радостно выхватывает из рук одного из проводников свой чемодан. И тут же, прямо на землю, открывает его. Там женские вещи, несколько отрезков ткани и еще всякая мелочь.

Пассажирка: Я в Египте две недели была. Подарки везу. По простоте душевной ему рассказала, а он спер. Я так теперь волнуюсь, что весь отдых насмарку пошел.

Ей помогают поднять чемодан, заботливо поддерживают, когда она взбирается обратно в вагон. Начальник поезда связывает задержанному ноги и одновременно объясняет свои действия двум проводникам из других вагонов и проводнице.

Начальник поезда: Когда поймали кого, то первым делом надо на грудь опрокинуть и ноги связать, чтобы не убежал никуда, а уже потом руки за спину завести и тоже крепко связать.

Задержанного мужчину буквально забрасывают в вагон. Он, падая, ушибается и сквернословит. Начальник поезда и проводники довольно смеются. Начальник поезда огорченно говорит.

Начальник поезда: Теперь из-за тебя, падкого на чужое добро, я неизвестно когда домой попаду. Объяснения писать надо, в депо идти к начальству, объясняться.

Проводники сочувственно кивают головами, а задержанный мужчина хмыкает в ответ.

Один из проводников и начальник поезда остаются в тамбуре с задержанным. Проводница жалостливо вытирает задержанному разбитое в кровь лицо. Тот кивком головы благодарит.

На перроне узловой станции райцентра уже стоят два милиционера. Проводница стоит в проходе вагона и не выпускает пассажиров, потому что сначала нужно сдать задержанного. Один из милиционеров поднимается в вагон и надевает задержанному наручники. Затем развязывает киперную ленту, которой тот был связан. Задержанный разминает сведенные сзади руки. Милиционер развязывает ему путы на ногах и его принимает второй милиционер.

Один из милиционеров возвращается обратно в вагон.

Милиционер: Эй! Где там потерпевшая?! Пусть она выходит вместе с нами. И чемодан не забудьте.

Люди скрываются в своих купе. Женщина протискивается с большим желтым чемоданом по вагону к выходу.

Потерпевшая (суровым голосом): Я столько от тебя настрадалась. Я буду требовать, чтобы ты десять лет сидел!

Проводница замирает, слушая эту тираду.

Один из милиционеров поддерживает потерпевшую и помогает ей спустить чемодан.

Задержанный мужчина поворачивается и говорит ей с издевкой.

Задержанный: Ты, тетка, во-первых, не прокурор, во-вторых, приговор выносит судья, а в-третьих, заруби себе на носу — у тебя ничего не пропало и увидишь, я отделаюсь только штрафом. А твой чемодан я взял по ошибке.

Милиционер и начальник поезда злорадно смеются над его словами.

Начальник поезда: Приятно с ошибальщиком познакомиться. А как по полю с чемоданом скакал — не ошибался!!!

Проводница уходит вглубь вагона, заходит в злополучное купе и вытаскивает оттуда легкую спортивную сумку «Адидаас».

Проводница: А вот его пожитки!

Один из милиционеров берет сумку и говорит:

— В отделе откроем и понятых пригласим.

Любопытствующие пассажиры выглядывают из купе. Какая-то старушка радостно произносит.

Старушка: А поездка-то была какой интересной! Приду домой, буду всем рассказывать, что у нас вор завелся в вагоне. Спасибо нашей милиции, поймали! Видно, зря по телевизору милицию ругают. Вон какие молодцы!

Находящийся в тамбуре милиционер приосанился и поправил фуражку.

Какой-то мужчина в очках, крупный, с сединой, возражает бабушке, выглядывая из другого купе:

— А при чем здесь наша доблестная милиция? Задержали-то проводники! А эти — на все готовенькое.

Милиционер (примирительно): Ну ладно, митинг развели. Хватит уже. И лишнего говорить не надо.

Все замолкают и прячутся в своих купе.

Процессия идет по перрону вдоль состава.

Проводница машет вслед желтым флажком.

Проводница: Благодарение судьбе, что все хорошо для всех закончилось. Из наших российских поездов ни один преступник не убежит!

Задержанный мужчина оборачивается и подмигивает проводнице: Мы еще с тобой встретимся! Я тебя шоколадкой «Вдохновение» угощу. На тебя зла не держу. Добросовестная ты работница.

Один из милиционеров обидчиво толкает задержанного мужчину.

Кабинет начальника линейного отдела внутренних дел. Половина восьмого утра.

Мужчина лет 35-ти в форме подполковника, бодрый и энергичный, рассматривает рапорт, который ему принес оперативный дежурный. Удовлетворенно хмыкает.

Начальник (оперативнику): Пошли в наше областное управление в Брянск теле-

фонограмму о том, что задержали поездного вора. Кстати, останься здесь. Сейчас узнаем: кто такой, откуда... А потерпевшая пусть пока посидит в коридоре.

Старший лейтенант лет 25-ти вытягивается в струнку: Слушаюсь. Исполняю поручение.

Он выходит в коридор и уверенным баском командует: Заводите задержанного! А вы, гражданочка, посидите в коридоре. Вас потом пригласят.

Затем он видит в коридоре двух женщин и мужчину и подходит к ним.

Старший лейтенант: Вы по какому поводу находитесь здесь? Задержанные? Потерпевшие? Свидетели?

Женщина что-то тихо говорит ему. Удовлетворенный ответом, старший лейтенант командует.

Старший лейтенант: Находитесь здесь. Я вас потом приглашу в качестве понятых. *Показывает пальцем на потерпевшую:* С ней не разговаривать.

Мужчина и две женщины согласно кивают.

Кабинет начальника линейного отдела внутренних дел.

Подполковник приказывает подчиненному: Снимите с задержанного наручники. Дайте ему попить воды (*те исполняют указания*).

Подполковник продолжает: Задержанного обыскивали? Как это нет? Ах, не успели?

Обращается к оперативному дежурному: Пригласите понятых, сейчас произведем обыск задержанного.

Тот вызывает мужчину и двух женщин в кабинет.

Подполковник (понятым): Ваши документы?

Смотрит документы, удовлетворенно кивает и поручает оперативному дежурному: Составьте протокол осмотра.

Милиционеры вытаскивают из внутренних карманов пиджака задержанного: отвертку, паспорт, железнодорожный билет, проездной на метро, вставленный в дерматиновую обложку, связку ключей, три платка. Из наружных карманов пуховика вытаскивают мелочь.

Снимают поясной ремень, задержанный недовольно шевелится.

Один из милиционеров (громко командует): Стоять! Не двигаться! Руки вверх!

Задержанный безропотно подчиняется. Понятые вздрагивают. Оперативный дежурный составляет протокол осмотра.

Ловким движением милиционер последовательно поднимает брючины задержанного. Из носков вытаскивает две купюры по пятьсот рублей. Начальник ЛОВД усмехается. Затем он пишет что-то на листе бумаги и протягивает его оперативному дежурному.

Начальник ЛОВД: Как всегда. Исполнять! Но сначала впиши имена понятых, пусть подпишут протокол и могут быть свободны.

Процедура осмотра завершена. Оперативный дежурный вместе с понятыми выходит из кабинета.

Начальник ЛОВД: Садитесь, задержанный! Расскажите, пожалуйста, что произошло. Потом вас отведут к дознавателю и вы уже все поясните подробно.

Задержанный криво усмехается: Вещи перепутал в темноте.

Милиционеры улыбаются. Начальник ЛОВД строго смотрит на них, и они тут же построжили.

В этот момент заходит оперативный дежурный, подает начальнику ЛОВД какой-то листок. Тот читает, удивленно раскрывает глаза и говорит.

Начальник ЛОВД: А вы, товарищ Иннокентьев, оказывается, наш клиент.

Задержанный (набычившись, смотрит в пол, затем выдавливает из себя): Что, уже по базе пробили? И знаете, что я отсидел год в колонии?

Начальник ЛОВД делает строгое лицо, ничего не отвечает задержанному. Смотреть на него приятно: олицетворение закона.

Задержанный съеживается. Он понимает, что диалоги здесь неуместны и в этом кабинете он не собеседник и никакого дружеского расположения к нему не будет.

Начальник ЛОВД (замечает эту перемену в задержанном и строго произносит): Снова позовите понятых, а то задержанный говорит, что перепутал вещи. Где его большой желтый чемодан?

Оперативный дежурный хочет выйти из кабинета, но начальник ЛОВД жестом левой руки останавливает его.

Начальник ЛОВД (спрашивает у задержанного): Вы ничего не хотите сказать? Вы можете оформить явку с повинной.

Милиционеры опять улыбаются. Начальник опять строго смотрит на них, и они подтягиваются.

Начальник ЛОВД: Задержанный, какой у вас был с собой багаж?

Задержанный: У меня была с собой сумка «Аدیدас» синего цвета. Слегка потрепанная.

Начальник ЛОВД: А почему вы взяли большой желтый чемодан, принадлежащий иному лицу?

Задержанный: Видимо, со сна. Не отдавал отчета своим действиям.

Начальник ЛОВД: А почему побежали?

Задержанный: Опять же, не отдавал отчет своим действиям. Тем более, что сорвался со ступенек и еле удержался потом на ногах. А сзади кричать стали, свистки... Вот я по привычке и побежал.

Начальник ЛОВД (строго): А как и где приобрели привычку бегать с чужими вещами?

Задержанный(опускает голову на грудь и замолкает. Затем стыдливо выдавливает из себя): В прошлой жизни, гражданин начальник.

Начальник ЛОВД (участливо): Раскаиваетесь? А когда начнете новую жизнь? Когда отсидите еще один срок? Вы же теперь уже рецидивист и освободились-то всего три с половиной месяца назад.

Он внимательно смотрит на задержанного. Тот старается сделать безразличное лицо и вдруг произносит.

Задержанный: Согласно 51-й статье Конституции РФ я больше ничего говорить не буду и от любых показаний отказываюсь. А еще мне нужно посоветоваться со своим адвокатом.

Начальник ЛОВД (с огорчением вздохнул): Ваши права мы будем, безусловно, соблюдать. О произошедшем событии сообщим вашим родителям. Но если в течение трех суток к вам не придет адвокат, то мы передадим дело в суд, а уж он определит вам меру пресечения — возможно, даже поместит в СИЗО, потому что вас задержали на месте преступления. Оперативный дежурный, пригласите в кабинет потерпевшего, понятых. Составим еще один протокол осмотра.

В кабинет заходят трое понятых, потерпевшая с чемоданом.

Потерпевшая: Товарищ начальник, вот именно он меня всю и обворовал.

Задержанный: Прямо так и всю?

Начальник ЛОВД: Я прошу вас помолчать, чтобы вы не усугубляли свою участь. Он дважды бьет ладонью левой руки по столешнице.

Все замолкают: шутки кончились.

Потерпевшая предъявляет свой паспорт, данные вписывают в протокол. Затем

открывают большой желтый чемодан. Перечисляют каждую вещь, в том числе и предметы женского туалета.

Начальник ЛОВД (спрашивает у потерпевшей): У вас что-то из чемодана похищено?

Она растерянно смотрит на разложенные на столе вещи, ощупывает дно чемодана и крышку, потом поворачивается к начальнику и озадаченно произносит.

Потерпевшая: У меня ничего не пропало. Все на месте.

В разговор вступает задержанный.

Задержанный: Прошу занести эти слова в протокол. Иначе нарушаются мои права.

Начальник ЛОВД (усмехается): все слова внесем в протокол, не переживайте.

Потерпевшая складывает все вещи обратно в чемодан, закрывает его и вдруг с волнением кричит.

Потерпевшая: Ой, посмотрите! Уголок чемодана сбит! И тут две царапины! Вот он мне ущерб нанес.

Все присутствующие, кроме потерпевшей, громко смеются. Потерпевшая краснеет и замолкает.

Начальник ЛОВД (примирительно): Ну-ну, не расстраивайтесь! Раз все хорошо закончилось для вас, то и мы тоже рады.

Затем осматривают сумку задержанного. Там несколько журналов с кроссвордами, брюки-трико, поношенные майка и трусы, зубная щетка, мыло, бритвенный прибор и одеколон в пластиковой бутылке.

Начальник ОВД командует: Жидкость на проверку. А все остальное — в спецкомнату хранения, как вещественные доказательства. Пока отведите задержанного в камеру и позаботьтесь о завтраке. Кстати, гражданин Инокентьев! Вы хотели дать телефон своей матери и адвоката?

Задержанный диктует номер телефона матери, сообщает ее имя, отчество и фамилию и добавляет, что она сама свяжется с адвокатом.

Понятые расписываются в протоколе, расписываются задержанный и потерпевшая.

Задержанного уводят два милиционера. Оперативный дежурный помогает вынести чемодан потерпевшей. Понятые выходят следом.

Начальник ЛОВД тяжело вздыхает и набирает московский номер: Это Инокентьева Надежда Викторовна? (услышав утвердительный ответ, спрашивает) Гражданин Инокентьев Сергей Александрович, проживающий по адресу: город Москва, улица Гарибальди, дом 12 — это Ваш сын?

Он включает громкую связь и слышит в ответ: Да-да! С ним что-то случилось?

Начальник ЛОВД: А где сейчас может быть Ваш сын?

Ответ пожилой женщины: А он поехал в Брянскую область, на узловую станцию райцентра, к своему товарищу. Навестить хотел. Они вместе целый год служили в армии, как говорил мне Сереженька.

Начальник ЛОВД: Однополчанин, значит!

Женщина по телефону: Да-да, вы нашли хорошее слово!

Начальник ЛОВД: Так вот ваш Сереженька задержан за попытку кражи в поезде. Ищите адвоката. И чем быстрее — тем лучше. Тогда мы сможем этапировать его по месту жительства в Москву, а уже там определяют меру пресечения. Иначе будет сидеть в СИЗО здесь, в Брянской области.

Женский голос (растерянно): Так значит он до друга не доехал?

Начальник ЛОВД (сочувственно): Выходит, что так, а вам, мамаша, переживание и трата денег на адвоката. А кстати, скажите пожалуйста, мамаша, почему у него на пальцах правой руки наколка «Толя»?

Женский голос (взволнованно и растерянно): А ему четырнадцать лет было и кто-то из взрослых парней ему наколку такую сделал. Я и сама не знаю, почему.

Начальник ЛОВД: Понятно. Запишите мой телефон и адрес нашего линейного отделения внутренних дел, чтобы со мной мог связаться адвокат.

Женский голос (просительно): А можно, я сама к нему приеду, на Серезеньку посмотрю?

Начальник ЛОВД: Я думаю, что вы на него уже с момента рождения насмотрелись. Вообще-то здесь нужен только адвокат. Не жалеете на него денег. А также дайте ему доверенность. Для вас сейчас важно, чтобы сына этапировали в Москву. А там он, может, будет и под домашним арестом находиться. Если до 6 марта адвокат не придет, то сын ваш будет сидеть у нас в СИЗО до суда. Если что, то всегда звоните. Отвечу на любые вопросы и очень сочувствую Вам.

Закончив разговор, начальник ЛОВД позвонил оперативному дежурному: С завтраком задержанному определились?

Слушая ответ, нахмурился: Ну и пусть он хорохорится! А вы будьте вежливы, предупредительны. И никаких лишних разговоров пусть дежурные милиционеры не ведут. Ох уж мне эти неутомимые москвичи! От них столько хлопот. Через час пойду по кабинетам ЛОВД и посмотрю на содержащихся в камерах. Если хоть кто-то будет недоволен — спрошу с вас строго.

Закончил телефонный разговор, повесил трубку, подпер кулаком правую щеку и задумался.

Так начиналось утро 3 марта 2007 года. Начиналось с происшествия.

Москва. Восемь часов утра.

Адвокат Иван Савельевич завтракает на роскошно обставленной кухне и с довольным видом поглядывает в окно. Настроение у него хорошее, жена приготовила вкусный завтрак. Сегодня в суд идти не надо, не спеша, часам к двенадцати придет в коллегия адвокатов, поговорит с друзьями, может быть, сыграет партейку-другую в шахматы...

Его разговор «с самим собой» прерывает телефонный звонок.

Адвокат, дородный мужчина лет пятидесяти с едва пробивающейся сединой в волосах, недоволено хмурится — привычный распорядок дня нарушен. Но по адвокатской привычке трубку берет всегда.

Адвокат: Да-да, слушаю! Представьтесь, пожалуйста!

Он включает на мобильном телефоне кнопку громкой связи.

Женский голос: Иван Савельевич! Простите, что беспокою рано. Вы же помните, как вы смогли сделать всего год в колонии моему Серезеньке?

Адвокат (снисходительно): Да-да, я вас прекрасно помню, мама-хлопотушка. Сын доставил вам неприятности. Участвовал в квартирной краже. Но вместо четырех лет мы год в колонии ему сделать смогли. Суд не пошел на поводу у прокурора. Слушаю вас.

Женский голос: Иван Савельевич! Опять неприятности! Серезенька ехал к другу, с которым служил в армии, в гости. Ну и случайно не удержался, рано утром, не выспавшись, случайно взял чужой чемодан.

Адвокат: Кража в поезде? Это серьезно.

Женский голос: Звонили с узловой станции, что в Брянской области, из ЛОВД. Иван Савельевич! Такой хороший подполковник: вежливый, доброжелательный. Он посоветовал, что если в течение трех дней придет адвокат с доверенностью, то моего сыночка этапируют в Москву, а суд может вместо СИЗО дать подписку о невыезде. Вы возьметесь? Я вас умоляю!

Адвокат: Матушка-хлопотушка! Надежда Викторовна, дорогая! Конечно, здесь

нужен такой адвокат, как я. Тертый бобер. Но, знаете, как-то не привык я ездить по Брянским областям...

Женский голос (перебивает его): Я все заплачу! Все заплачу! Все будет так, как вы скажете! Мне бы только Серезеньку... чтобы была подписка о невыезде... или, на худой конец, домашний арест!

Адвокат: Ну, это уже от моего мастерства зависит. И хорошо бы, чтобы судили не в том районном суде, где его уже знают, а в другом. Тут у меня в нескольких судах знакомцы есть — поработаем. А я вас жду к двенадцати часам в коллегии адвокатов. Захватите с собой двести тысяч рублей и тысяч тридцать мне на командировочные. И все строго через кассу.

Женский голос: Спасибо огромное, что согласились, Иван Савельевич! Чтобы я без вас делала!!! Безмерно вам доверяю.

Адвокат: Жду. Не волнуйтесь. Уверен, что все будет нормально.

Адвокат (вслух, сам с собой): Никогда не бывал я в Брянской области. Говорят, что эта местность — партизанская. И народ там хоть и суровый, но отходчивый. Значит, навстречу пойдут. Возьму-ка я с собой пару-тройку бутылочек иноземного производства. Может, с кем за знакомство и разопьем. Да-а-а! А в шахматки сегодня поиграть не удастся!

И, напевая бодрую мелодию, адвокат направился в ванную.

Кабинет коллегии адвокатов.

Несмотря на то, что еще не было двенадцати часов часов дня, его уже ждала Надежда Викторовна. Невысокая худощавая женщина с изможденным от переживаний лицом, элегантно одетая, лет 45—48, поднялась ему навстречу и радостно защелкала.

Мать задержанного: Я так рада видеть вас в добром здравии и хорошем настроении! Я даже пораньше приехала.

Адвокат (широко улыбаясь): Ваши комплименты на сумме гонорара не скажутся — меньше не будет. Но слушать Вас приятно. И за добрые пожелания спасибо. Проходите ко мне в кабинет, а потом пойдём в кассу и я приглашу секретаря, чтобы составить соглашение. Потом вместе поедём к нотариусу. Но предварительно я составлю три ходатайства и один запрос, как это и положено по УПК.

Мать задержанного согласно кивала головой и пожирала глазами адвоката. Больше ей ни на кого надеяться не было.

Купе поезда.

Адвокат, мужчина средних лет, сидит в купе и задумчиво смотрит в окно. Хмурое мартовское утро. Звучит мелодия «Железнодорожного вальса»:

Под стук вагонных колес
Приятно прихлебывать чай,
Разлет светлых девичьих кос
Меня захмелит невзначай.

Завистливый взгляд за стеклом
Проводит в дорогу: «Везет!»
Запью его быстрым глотком,
Стремясь в сухопутный полет.

Привет:

Вагонных колес перестук —
Будто судьбы молоток,
Ритмично-загадочный звук

Сквозь рельс бесконечных моток.
Этот моток размотать
Не довелось никому.
А чтоб тайный стук разгадать...

В это мгновение трансляция прерывается, поезд резко тормозит, и раздается визгливый голос проводницы:

Проводница: Однако, приехали! Железнодорожная станция «Райцентр»!

Адвокат встает, берет портфель и выходит из купе в коридор. Это для него конечная станция.

Следом идет попутчик — мужчина лет тридцати с рыхлым лицом и радостно балагурит.

Попутчик: О, старушки уже кушать приготовили! Эхма, щас возьму картошечку с укропчиком, кусочек колбаски с хлебушком, а может, у какой из них и стаканчик с самогонкой имеется.

Адвокат и попутчик спускаются со ступенек на перрон. Их обступают бабушки, одетые в телогрейки и закутанные в платки. На ногах — резиновые сапожки.

Ранним утром они все кажутся на одно лицо, хотя разные по возрасту, росту и объему фигур.

Проводница: Стоянка двадцать минут. Далеко не уходите.

Попутчик покупает несколько пластиковых судочков, рассчитывается и поднимается обратно в вагон.

Адвоката теребят несколько бабушек, чувствуя, что он платежеспособен.

В этот момент адвокат видит женщину лет 45—47, у которой красивое русское лицо обрамлено шалью-паутинкой. Возле ее ног стоит сумка, откуда идет парок.

Адвокат уверенно двигается по направлению к ней. За спиной слышит голос одной из товарок.

Бабушка (недовольно): Смотри-ка! Опять Барбудке повезло. И что это у нее все покупают?! Небось, медом намазано?

Ей вторит *другая товарка*, успокаивая первую: Ничего-ничего, быстрее продаст — быстрее уйдет! Зато все покупатели потом наши будут.

Адвокат (здоровается с женщиной, к которой подошел): Бог в помощь! Хорошей торговли! Накормите гостя райцентра?

Женщина средних лет (приветливо улыбается): Что ж не накормить! Обязательно накормим! Вы только купите, у нас недорого — каждый судочек всего пятьдесят рублей! Мужчина вы видный, может, одного и мало будет! А мы и приятного аппетита пожелаем, и в здание вокзала проводим — лишь бы вам удобство было.

Адвокат: А сколько у вас судочков-то осталось?

Женщина средних лет: Последние три.

Адвокат (с воодушевлением): Беру все. Вот вам 200 рублей.

Женщина средних лет улыбается, дает ему сдачу и предлагает пройти в здание вокзала. Они идут по длинному коридору, окрашенному темно-зеленой масляной краской, с залежалыми запахами. Адвокат уже настраивает себя на мрачные мысли, как вдруг они попадают в чистенькое помещение буфета, где стоячие и сидячие места, столики с салфетками в стаканах.

Женщина, представившаяся Валентиной Павловной, достает судочки, быстро и аккуратно сервирует стол и жестом приглашает адвоката покушать. Сама подперла щеку кулаком и с благожелательностью наблюдает за адвокатом, который быстро ест.

Валентина Павловна: Это хорошо, что с утра уже аппетит нагулян, значит, в делах споро будете действовать.

Адвокат, доедая картофелину, кивает в ответ.

Валентина Павловна (продолжает): Вкусно?

Адвокат: Очень, прямо как дома побывал. А что, вы не работаете разве, раз на вокзале продаете?

Валентина Павловна: Продаю-то я на перроне, на вокзале без лицензии продавать ничего нельзя, а вот покушать можно. А вообще, я здесь уже больше 25 лет. Так жизнь сложилась. Как произошла Чернобыльская авария, так я потом сюда и пришла в 1989-м году прошлого века.

Адвокат хочет продолжать расспросы, но Валентина Павловна вежливо, но решительно говорит.

Валентина Павловна: Не хотела бы в суете вспоминать прошлое, досталось мне выше головы (показывает жестом). Ну, а если хотите послушать повествование мое, приглашаю в гости, как освободитесь от своих дел. Наумовы мы — одни на весь район-центр. Легко нас найдете.

Она собирает пустые судочки, складывает их в сумочку и идет обратно на перрон, перед этим показав адвокату как можно выйти из буфета на привокзальную площадь.

Адвокат выходит на площадь и видит милиционера, у которого интересуется, как пройти в линейное отделение милиции. Тот с удовольствием показывает ему и задумчиво смотрит вслед. Да, ему очень интересно, но любопытство проявлять нельзя, он на посту. А так бы расспросил. Но для себя он делает вывод, что это или работник прокуратуры, или адвокат.

Адвокат приходит в линейное отделение милиции, предъявляет дежурному свои документы. Его приглашают к начальнику. Подполковник радостно приветствует гостя.

Подполковник: Милости просим столичного гостя к нашему шалашу! Вы наверняка по поводу нашего сидельца?

Адвокат кивает в ответ.

Подполковник (продолжает): Сейчас я сержанта приглашу. Он вас проводит к вашему клиенту. Как раз у него уже завтрак закончился. Если Вы не возражаете против этапирования, то сегодня вечерним поездом два наших сотрудника могут его препроводить вместе с вами.

Адвокат: Моего подзащитного не обижают? Как он себя сам ведет?

Подполковник: Все у него хорошо, сами можете расспросить. А мы руки не распускаем. Если он нас не задевает, чего мы его будем задевать! Тихий, послушный. Поймали с поличным. Все подписал. Материалы в спецпакете вам тоже передадим через одного из наших конвойных.

Адвокат благодарит подполковника и выходит в коридор, где его ждет сержант.

Сержант (с любопытством): Из самой Москвы приехали! Видать, наш подопечный непростая птица. Ведь нанять адвоката, попросить, чтобы он приехал и перевез его в Москву — это не просто. Я с ним два раза в шахматы играл через решетку — нормальный вроде мужик. Но вот почему-то работать не хочет — его все на кражи тянет.

Адвокат сочувственно кивает в такт словам сержанта.

Они подходят к камере. Сержант открывает дверь. Сидящий на кровати задержанный вскакивает и вытягивается по стойке смирно.

Задержанный: Подозреваемый в совершении кражи к любым следственным действиям готов!

Сержант (довольный, смеется): Молодец, с первого раз все запоминаешь. Только ждут тебя сейчас не следственные действия, а встреча с адвокатом, который сюда из самой Москвы-матушки пожаловал. Вот этапируют тебя туда, а у нас все опять спокойно будет.

Адвокат: Уважаемый сержант! Оставьте, пожалуйста, нас одних. Нам надо побеседовать.

Сержант: А вдруг он на вас накинется или обидит.

Адвокат (смеется): Зачем же ему на меня накидываться и меня обижать, если я приехал его защищать и улучшать его жизненную ситуацию? Да и куда с линейного отдела убежишь — здесь везде охрана.

Сержант (добродушно): Да, у нас тут полный порядок, дисциплину держим. Ну ладно, не буду вам мешать.

И он с явной неохотой выходит из камеры, прикрывая за собой дверь.

Адвокат протягивает руку и здоровается со своим клиентом.

Тот с подобострастием говорит.

Задержанный: Уж как я ждал помощи, как ждал! Как представлю себе, что придется несколько лет тут в колонии париться, в Брянской области — аж тошно становится. Вы меня в Москву, в СИЗО увезите, а там уж что-нибудь придумаем. Я вас очень прошу! Я на вас надеюсь.

Адвокат сочувственно кивает своему подзащитному.

Адвокат: Расскажите, пожалуйста, что произошло, как и почему? И вспомните, пожалуйста, максимально подробно: что вы говорили под протокол, когда его подписывали. Может, мы вас вообще от уголовной ответственности освободим. Я, по крайней мере, буду к этому стремиться.

Задержанный (торопясь и волнуясь, сбиваясь на повторы, начинает рассказывать свою одиссею). Адвокат внимательно слушает и делает некоторые записи. Затем он удовлетворенно хмыкает и делает свое заключение.

Адвокат: Как я понимаю, чемодан вы взяли по ошибке, не разобравшись со сна. Попробуем все минимизировать, передать дело в мировой суд, чтобы все окончилось штрафом. Вы сам чемодан не открывали, что в нем — не знали. И все содержимое вернули добровольно, хотя вас и задержали. Кстати, в протоколе это отмечено?

Задержанный: Да, я два раза там указал, что я взял чемодан по ошибке и сам был готов его вернуть. Когда потерпевшая это услышала, то расчувствовалась и даже попросила меня не наказывать. Это было записано на очной ставке. Я там расписался. Не понимаю, правда, почему следователь похохатывал и говорил, что здесь спектакль играть не надо.

Адвокат прощается с задержанным и говорит о том, что в восемь вечера они встречаются на вокзале у четвертого вагона, и его этапируют в Москву. Адвокат будет в соседнем купе. В Москве задержанного встретят и отвезут в СИЗО, а может быть, сразу и в суд, чтобы судья определил: или домашний арест и подписка о невыезде, или поместят в СИЗО.

Адвокат: Но я хочу сказать вам, на мой взгляд, дело не стоит выеденного яйца, тем более, что сама потерпевшая готова вас простить и просит об этом, что зафиксировано в протоколе очной ставки. Думаю, что до суда у вас будет домашний арест с подпиской о невыезде. А потом все закончится штрафом.

Задержанный (благодарно кивает адвокату, чуть не кланяясь): Ваши слова да Богу в уши. Даже не верю, что так может быть. Но надеждой уже преисполнен.

Они прощаются за руку и адвокат выходит из камеры.

Сержант (улыбчиво смотрит на адвоката и говорит): Сейчас закрою дверь камеры, провожу вас к начальнику, а потом будем оформлять документы на этапирование.

Адвокат удовлетворенно кивает в ответ.

Сержант провожает адвоката в кабинет подполковника. Тот выходит из-за стола и протягивает обе руки для рукопожатия адвокату.

Подполковник: Ой, пока вы ходили беседовать с подзащитным, я тут по интернету порыскал. Да вы, оказывается, известный заслуженный человек. Для нас большая честь вас принимать. Вам помочь с размещением или вы сами как-то определитесь?

Адвокат (усмехается): Вы не зря на своем посту! Скоро будете и полковником, я чувствую. Но у меня в вашем райцентре знакомцы имеются, пойду их навешу. Надеюсь, что вы все документы по этапированию подготовите, и мы встретимся уже на вокзале.

Довольный подполковник кивает в ответ.

Адвокат вышел из здания линейного отдела милиции. На часах уже было 11 дня. Пошел в магазин, накупил разных вкусностей, чтобы отблагодарить щедрую гостеприимную хозяйку за внимание.

Идет по улице. Рассвело, но все равно хмуровато. Кое-где на асфальте еще застывший ледок. Адвокат несколько раз спрашивает дорогу у прохожих: как пройти к дому Наумовых? Встречные охотно показывают маршрут, а потом с интересом смотрят вслед. Одна из бабушек прямо зашла от любопытства.

Бабушка: А чегой-то вы к Наумовым? Родственники? По делу? Или из любопытства? Чай, приезжий из Москвы просто так не пойдет!

Адвокат (улыбается): Да я, можно сказать, их старый знакомый. Только давно не был — подзабыл дорогу.

Бабушка (разочарованно): А-а-а! Вот оно что! А вы-то знаете, что хозяин умер у них? В 2001-м году. Сердце переживаний не выдержало.

Адвокат сочувственно машет головой. Эта информация его огорчила и неприятно удивила. Бабушка долго смотрит вслед и говорит сама с собой.

Бабушка: Нет, это не старый знакомый! У нас в райцентре никогда ничего не перестраивают — если раз сходил, то запомнишь навсегда. Это чего-то другое... Интересно. Неужели!

Но адвокат уже отошел далеко и не слышал бабушкиного недовольства.

Адвокат остановился возле калитки перед двухэтажным домом. Первый этаж — каменный, из светлого кирпича. Второй — деревянный. Крыша из добротной металлочерепицы.

Адвокат нажал кнопку звонка. Почти сразу же на крыльцо вышла Валентина Павловна, кутаясь в телогрейку. Она радостно охнула и пошла открывать калитку. Пригласила в дом. Затем попеняла адвокату, что он принес с собой три пакета провизии.

Валентина Павловна: Раз в гости приглашаем, значит, у нас все уже есть. А вы в траты пускаетесь. Да и нести не так легко — вон сколько набрали! Ну ладно, раз принесли — оставляйте!

Адвокат разделся в прихожей. Зашел сначала на кухню — поставить пакеты. Понравилась чистая просторная и уютная кухня.

Хозяйка пригласила в горницу. В глаза бросилась стенка из четырех секций: заставленный разнообразной посудой сервант, бельевой шкаф, книжный шкаф и шкаф для одежды.

Привлекла внимание божница в красном углу. На центральном месте была старинная икона Богородицы с младенцем. По краям соседствовали вырезанные из журнала «Огонек» цветная литография «Троицы» Андрея Рублева, а также черно-белая фотография Фиделя Кастро.

Хозяйка перехватила взгляд гостя, но пояснить ничего не успела, потому что раздался мелодичный звонок.

Валентина Павловна встрепнулась: Ой, это мама-свекровь пришла. Пойду, открою.

Через минуту в горницу вошла чистенькая старушка. Протянула сухонькую ладонь, крепкую при пожатии, и представилась: Матрена Николаевна. Я Валечкина мама по ее мужу — моему сыну, к сожалению, уже усопшему. И бабушка внуку Андрюшечке. Он сейчас с молодой женой в санатории в Московской области.

Валентина Павловна: Давайте, родные и гости дорогие, трапезничать начнем. Приглашаю к столу.

Сели за стол. Разлили откупоренную водку.

Адвокат: Хочу поднять тост за счастье в этом доме и за будущие радости.

Валентина Павловна не выдержала, всплакнула. Бабушка Матрена Николаевна шикнула на нее.

Чокнулись. Выпили.

Валентина Павловна: Ой! Сколько нам горя доставил этот Чернобыль! Тридцать лет прошло, а все будто бы вчера.

ВСПЫШКА. Затем — черно-белая съемка.

26 апреля 1986 года. Еще не было и четырех часов утра, как десятилетний Андрюша проснулся сам и стал потихоньку собирать вещи в рюкзак. Валентина Павловна спала сторожко в другой комнате, она услышала осторожные шаги сына. Встала, набросила халат и вышла в коридор.

Валентина Павловна: Сынок, Андрюшечка! Не рано ли?

Андрюша: Нет, мамочка! Уже скоро четыре часа утра! А с пяти самый клев начинается. Давай, буди папу, а я сейчас Вите позвоню, Генке и Наташе. Раз собрались на утреннюю рыбалку, то надо слово держать.

Валентина Павловна погладила сына по голове, пошла на кухню собирать снесь.

Андрюша умылся, оделся и заглянул на кухню.

Андрюша: Mam! Не много ли ты наготовила?

Валентина Павловна: Нет, сын! Вы ж пока наловите рыбы, потом с устатку такой аппетит будет — все умнете!

Разбудила мужа. У него уж все было заготовлено с вечера — собрался буквально за пять минут. Андрюша сел за телефон и начал обзванивать товарищей. Говорил коротко и тоном, не терпящим отговорок.

Андрюша: Витя! Встал? Как, ты еще в кровати? Папа уже машину заводит, через пять-шесть минут будем у тебя — жди у ворот. Сейчас я Генке позвоню и Наташе.

Наташа отрапортовала, что почти готова. Андрюша дал ей послабление, заметив, что к ней они заедут в последнюю очередь. Сначала к Вите, потом к Гене. Гена не сразу взял трубку. Потом сказал, что умывался.

Вышли во двор. Валентина Павловна куталась в шаль. Несмотря на апрельское утро конца месяца было зябковато. Она случайно взглянула на небо и вздрогнула: оно было серо-багровым и цвет его постоянно менялся. Вот вдруг он стал темно-стальным, потом багровым, потом багрово-стальным... Время от времени пробежали голубые сполохи, напоминающие молнии.

Валентина Павловна: Андрюша! Что-то не нравится мне небо сегодня! Может, не поедешь? Но сын успокоил ее.

Андрей: Mam! Мы же едем на утреннюю рыбалку. Днем вернемся. А если вдруг будет дождь, то мы спрячемся в машине. А шоссе хорошо заасфальтировано. Почти к месту рыбалки подходит — там до него метров пятьдесят всего. Так что не промокнем.

Минут через пятнадцать вся компания уже ехала к месту вожделенного отдыха. Андрюша дважды в прошлом году бывал на утренних рыбалках. Вот и сейчас с нетерпением ждал возможности порыбачить. Наташа и Генка выехали первый раз, а Витя раньше бывал с Андрюшей. Два друга «не разлей вода». Они и в детский сад ходили вместе, и в школе за одной партией все четыре класса.

В одиннадцать утра рыбачить закончили, потому что рыба перестала клевать. Больше всех поймал Андрюша — семь штук. Второй была Наташа с пятью рыбами. Меньше всего повезло Гене — одна рыбка, и та — маленькая плотвичка.

Сели завтракать. Валентина Павловна оказалась права. Все бутерброды и два литра кваса смели полностью.

Когда собрались ехать обратно, то Наташа пожаловалась, что ее знобит. Затем плохо стало Гене. Андрюша не жаловался. Когда уже подъехали к дому Вити, тот пожаловался на сонливость.

Отец Андрея еще пошутил: Кто рано глаза открывает, тот днем потом досыпает. Вместе посмеялись.

Андрюша с отцом вернулись домой. Андрюша отдал маме ведерочко с рыбой и начал рассказывать все перипетии рыбалки.

Валентина Павловна слушала, как сын в своем рассказе перескакивает с места на место, и счастливо улыбалась. Хорошие впечатления детей — это радость для родителей.

Затем сын поиграл с отцом в шахматы, потом стал тереть глаза и зевать. Когда Валентина Павловна постелила ему, то обратила внимание на покрасневшие веки сына.

Но когда он задремал, то успокоилась и пошла заниматься своими хозяйственными делами.

Андрей проспал до самого вечера. Отец хотел было его будить, но Валентина Павловна не дала. Раз чуть свет встал и до двух часов дня бодрствовал, то пусть уж спит до утра. Тем более, что 27 апреля — это воскресенье и в школу идти не надо.

В воскресенье около девяти часов утра Валентина Павловна тихонько зашла в комнату сына, чтобы посмотреть, как он себя чувствует. Мальчик чуть похрапывал, что случилось с ним крайне редко. Она пригляделась внимательно и увидела на подушке кровь.

Валентина Павловна: Сыночек, доброе утро! Открой глазки! Что это с тобой?

Андрей (тяжело ворочая языком и почти не открывая глаз) пожаловался: Мама! Что-то плохо мне, меня тошнит и слабость какая-то.

Встревоженная Валентина Павловна попыталась повернуть голову сына набок и вдруг увидела, что в крови вся наволочка с одной стороны. Она вскрикнула. Этот крик услышал муж и встревоженно заглянул в комнату.

Муж: Что случилось, Валя? Что с тобой?

Валентина Павловна: Андрюше плохо. Срочно вызывай участкового врача Агриппину Самойловну. Она нашего сыночка с рождения знает. Я сейчас наволочку заменю, а ты позвони маме Витюшечки — Тамаре. Где-то наш мальчик простудился или какую-то инфекцию схватил?

И тут же попеняла мужу: Зачем ты так рано такого маленького на рыбалку взял чуть свет? Надо было в мае-июне взять или вообще не брать.

Муж (приобнял обеспокоенную Валентину Павловну за плечи): Успокойся, пожалуйста! Все сделаю, как просишь. А сын — сегодня заболел, завтра выздоровеет!

Он ласково погладил Андрея по плечу. Мальчик благодарно приоткрыл глаза.

Пока отец обзванивал друзей Андрюшечки, пришла Агриппина Самойловна. Несмотря на то, что ей было уже далеко за пятьдесят, она была бодрой и энергичной. И сразу заговорила.

Агриппина Самойловна: Ой! А я уж и курям корм задала. И подвинку в корыто налила. А потом завтракать села, пока дочка с внучкой спят, а зять уехал утром куда-то по делам. Ну-ка, давай посмотрим мальчика твоего.

Женщины склонились над Андрюшей. Стоило врачу чуть-чуть приподнять голову мальчика, чтобы он лег повыше, как кровотечение вновь усилилось. Врач нахмурилась, но тут же придала лицу беззаботный вид.

Врач: А чегой-то мы так рассопливились? А где у нас сосудик лопнул?

Она достала из саквояжа лобное стекло-рефлектор. Два носорасширителя. И стала внимательно исследовать Андрюшу.

Больше она не улыбалась и не балагурила. Говорила жестко и отрывисто.

Врач: Валентина Павловна! У тебя же есть подсолнечное масло?

Та тут же выполнила поручение. Окунули в масло несколько тампонов и осторожно ввели сначала в одну ноздрю, а потом — в другую. Мальчик стал дышать ртом, затем сплюнул и на простыне проявилось кровавое пятно. Обе женщины переглянулись и поняли, что дело серьезно.

Пока Андрюша на несколько минут затих, Валентина Павловна побежала звонить свекрови. Зашел встревоженный отец. И тихонько проинформировал.

Отец: Агриппина Самойловна! У Витюши идет кровь из носа и из правого уха, у Гены тоже кровотечение из носа, а Наташу постоянно тошнит.

Врач кивнула головой и внимательно посмотрела на отца Андрея.

Врач: Вы ничего такого не ели? Воды, случайно, из реки не пили? Ничем совместно не пользовались?

Мужчина отрицательно качал головой.

Врач: Какие бутерброды ели?

Валентина Павловна: Я готовила сама. Все было свежее. Квасом тоже не могли отравиться. Его готовила Наташина мама. У Вити было пять шоколадок «Сказки Пушкина»; каждому досталось по одной, а Гена вообще ничего с собой не брал, потому что ему ничего не поручали.

Андрюша задремал, а врач глубоко задумалась. Она понимала, что это какая-то инфекция и тихонько разговаривала сама с собой.

Врач (тихо): Если это инфекция, то откуда она взялась? Все дети разные по характеру, по конституции сложения. Что же произошло?

В этот момент в доме Валентины Павловны зазвонил телефон. Муж взял трубку. Звонили из районной больницы. Просили, чтобы врач приехала туда: поступили еще шестеро детей от пяти до четырнадцати лет с обильным кровотечением.

Агриппина Самойловна, как могла, успокоила встревоженных родителей Андрюши и сказала, что зайдет еще вечером — после того, как управится в приемном покое. На всякий случай наказала.

Врач: Дорогие мои! Если кровотечение вдруг возобновится, сразу же вызывайте скорую и везите ко мне.

Она уже было собралась уйти, но вдруг остановилась.

Врач: Погодите, я осмотрю Валерия Михайловича. Хочу узнать, как он себя чувствует.

Отец Андрея безропотно выдержал все манипуляции и на самочувствие не жаловался. Это еще больше встревожило врача. В дверях она столкнулась с Матреной Николаевной. Та почти беззвучно прошептала.

Матрена Николаевна: Доктор, что с мальчиком? Может быть, анализы взять? Понять, что с ним? А то чем же и как мы его лечить будем?

Врач: Я пришлю к вам лаборанта, и у мальчика возьмут кровь из пальца и из вены, мочу и кал. Также распорядюсь, чтобы по всем остальным детям сделали эти анализы.

Трое взрослых людей сели вокруг кровати, на которой лежал заболевший мальчик, и задумались. Судьба бросила им вызов, о последствиях которого они еще не догадывались.

В ночь на 28 апреля Андрюше стало хуже. Он стонал, кровотечение из носа возобновилось. Валентина Павловна попросила мужа срочно позвонить свекрови, а сама стала хлопотать возле сына. Около 8 утра 28 апреля опять позвонили Агриппине Самойловне. Уже через десять минут врач была у них дома. Опять вызвали машину Скорой помощи.

Молодой врач скорой помощи: Госпитализация нежелательна, так как ребенок ослаб. И очень сильно. Давайте поставим капельницу.

Вены у Андрюши спали. 20-летняя медсестра, несмотря на молодость, умело попала в вену и закрепила лейкопластырем иглу. Валентина Павловна обратила внимание на то, что у Андрюши резко побелела кожа. Никто не знал, какую болезнь он подцепил.

Пришла свекровь. Она молча прошла к образу Богородицы с младенцем, бухнулась на колени и стала истово молиться. И кровотечение прекратилось.

Отец Андрюши: Может быть, вымолим излечение, мама?

Матрена Николаевна продолжила истово молиться. Мальчик затих — впал в забытие. Валентина Павловна с робкой надеждой посмотрела на врача скорой помощи.

Врач скорой помощи: Ну что, матушка, эта капельница закончится, и мы поставим следующую. Надеюсь, что это поможет. А мы уже почти час у вас сидим, надо ехать дальше.

Андрюша застонал, приоткрыл глаза и еле слышно произнес: Мама! Папа! Бабушка! Не бросайте меня, я жить хочу! И школу кончить хочу, и институт.

Матрена Николаевна подползла на коленях к кровати внука и нежно, как умеют только старушки, погладила его по правой руке (левая рука лежала безжизненно, так как она была под капельницей).

Андрюша приоткрыл глаза, осмысленно огляделся, и снова еле слышно произнес.

Андрюша: Мне уже стало легче! Спасибо, бабушка!

Валентина Павловна (еле сдерживая слезы): Андрюша! Ты обязательно вылечишься! И снова поедem на утреннюю рыбалку — всей семьей. Ты меня слышишь?

Мальчик опять открыл глаза и снова прикрыл, что означало согласие.

Кушать Андрей не мог — глотать ему было тяжело. Валентина Павловна несколько раз попыталась его накормить, но потом только грустно вздохнула.

Валентина Павловна: Боже мой! Он даже не глотает! Сыночек, надо кушать! А то совсем ослабнешь!

Агрипина Самойловна посоветовала давать по несколько капель настойки шиповника, чтобы у мальчика проснулся аппетит. Но и это не помогло. Андрюша снова впал в забытие.

Врач измерила пульс мальчика, затем потрогала лоб, проверяя, есть ли температура. А потом грустно произнесла.

Агрипина Самойловна: Упадок сил. В чем причина — не знаю. Но если он спит, кровотечение остановилось, то, возможно, организм борется с кризисом. Надеюсь, что ему полегчает.

Валентина Павловна грустно кивнула. Ее материнское сердце предчувствовало, что болезнь будет долгой и тяжелой. Ее поддерживало то, что муж и мама-свекровь были рядом. И готовы были жизнь положить ради здоровья Андрюшечки.

Мама-свекровь осталась сидеть возле ребенка. А муж ушел с Валентиной Павловной на кухню. Она бесшумно готовила поздний завтрак. Время от времени она заглядывала в комнату: все оставалось по-прежнему. Матрена Николаевна сидела на табуретке возле кровати внука и что-то беззвучно шептала, время от времени кивая головой. Мальчик постанывал во сне.

Валентина Павловна (мужу): Зачем я только пустила вас всех на эту утреннюю рыбалку! Может быть, спал бы дома — и все было бы хорошо. А теперь вот напасть какая на нас свалилась.

Муж виновато пожал плечами. Вроде и не виноват он, но человек всегда ищет, на кого бы переложить свое горе. Муж понимал это и терпеливо снес попрек.

Около пяти часов вечера зазвонил телефон. Валентина Павловна сразу, после первого же звонка, сняла трубку. Звонила мать Витюши.

Тамара: Валечка! Дорогая моя подруга! Как у тебя? У Витюши все время кровотечение. Так мы по примеру соседки выдавливаем сок из корня ревеня и медленно закапываем его в нос. Мой муж и старший сын еле его удерживают: Витюшечка вырывается и кричит. Так что если у вас будет кровотечение усиливаться, то тоже корень ревеня используйте.

Валентина Павловна посмотрела на мужа. В ее взгляде была и просьба, и непоколебимая уверенность в его помощи.

Муж: Валя! Я к соседке-травнице. Надо корень ревеня у нее попросить.

Валентина Павловна кивнула мужу — уже его спине, так как он вышел в коридор. Она подошла к свекрови и приобняла ее за плечи. Матрена Николаевна безучастно продолжала сидеть на протяжении почти шести с половиной часов возле кровати уснувшего Андрюши.

Валентина Павловна: Мамочка! Сходите, поешьте! Я там всего наготовила, а то сами еще можете приболеть.

Свекровь покивала головой, медленно встала и прошаркала на кухню.

Валентина Павловна села на ее место.

Мальчик по-прежнему спал. Спал тревожно, но лицо чуть-чуть порозовело — помогло вторая склянка физраствора. Значит, баланс крови восстановился.

Вернулся муж. Принес целую сетку ревеня.

Муж: Валюш! Соседка вон сколько дала. Сейчас промою проточной водой, а потом возьму чашку и начну выдавливать по капельке. Если вдруг что — то у нас уже и лекарство будет.

Валентина Павловна: Спасибо, Валерочка! Дай Бог чтобы не понадобилось!

Муж ушел на кухню. И хотя прикрыл дверь в комнату, Валентина Павловна отчетливо слышала его жалостливый разговор с матерью.

Андрюшенька продолжал спать.

Валентина Павловна не будила его — оберегала сон. Она рассуждала здраво: чем больше спит, тем быстрее наступит выздоровление. Во сне сил набирается.

Из кухни вышла свекровь. Она решила пойти к себе домой, чтобы немного поспать, а потом снова придти к внуку.

Из кухни зашел муж и показал небольшую чашку, на четверть заполненную соком ревеня. Валентина Павловна посоветовала ему прикрыть чашку блюдцем.

Около восьми часов вечера опять раздался звонок. Тамара сообщила ошеломительную новость.

Тамара: Валь! А ты знаешь, от чего эта болезнь? Люди судачат, что в Киевской области возле городка Чернобыль произошла авария на атомной станции, а ветер погнал радиоактивное облако в нашу сторону. Вот детки и заболели. У нас-то, взрослых, иммунитет есть. Организм у взрослых-то покрепче, а детям много не надо. Вот радиации и нахватились. Я позвонила классному руководителю Витюшечки своего. Она мне сказала, что семнадцать ребятишек заболели. А вот Семеновы быстро собрались и уехали куда-то на Камчатку. Едут на поезде. То ли предупредил их кто...

Валентина Павловна охнула: Неужели это радиация?! Тогда это почти не вылечивается. Горе-то какое!

Она беззвучно зарыдала и медленно положила трубку.

Муж посмотрел на ее осунувшееся лицо и почувствовал неладное.

Муж: Валечка! Что с тобой?

Валентина Павловна: Валера! Это радиация! Произошла авария на атомной станции, как сообщила Тамара. Вот детки и нахлебались.

Они прижались друг к другу и замолчали. Оцепенение длилось всего несколько десятков секунд. Но вместо страха в них вселилась решимость во чтобы-то ни стало победить болезнь.

Валентина Павловна: Сегодня вечером посмотрим телевизор. Может, что-нибудь скажут в программе «Время». Но спасение нашего ребенка — это прежде всего наше дело. Давай, собирайся. Чтобы завтра утром ты поехал в Москву. Надо все узнать и понять, как лечить Андрюшечку.

Девять часов вечера. Понедельник, 28 апреля. За пять минут до начала программы «Время» включили телевизор. Внимательно, затаив дыхание, в четыре глаза и в четыре уха смотрели и слушали новости. Отдельвались односложными репликами.

Валентина Павловна: Валера! Ничего нет. Может, и не было аварии?

Валерий: Пока молчат. Что же делать-то?

Валентина Павловна: Предлагают ждать? Ведь ничего не сообщают!

Валерий: Пока молчат, потом скажут. Но когда скажут, как бы уже поздно не было.

Валентина Павловна: Что ты имеешь в виду под «поздно»? Ты лишнего-то не наговаривай!

Валерий: От беды не уйдешь. Но ей надо противостоять.

Валентина Павловна горестно вздохнула, обеими руками приобняла мужа и положила голову ему на плечо.

Валерий: Раз испытание выпало — перетерпим.

Андрюша продолжал спать.

Двадцать девятое апреля 1986 года. Половина пятого утра.

Забывшегося на диване беспокойным сном Валерия будит Валентина Павловна.

Валентина Павловна: Родненький! Вставай! В пять двадцать первый проходящий через наш райцентр поезд на Москву пройдет. Я тебе уже все приготовила: и тормозок, и денег 250 рублей. Вставай, пожалуйста!

Она ласково погладила мужа по спутанным волосам.

Через пять минут он уже был готов к поездке.

Знакомая кассирша на железнодорожной станции выписала ему билет в четвертый купейный вагон.

Кассир: Это — бронь райкома партии. Так рано все равно никто из них не ездит.

Валерий: Спасибо, Катюша!

Розовощекая двадцатипятилетняя девушка с состраданием посмотрела на него.

Катя: Видно, случилось что-то у тебя, сосед? Мы всегда чем можем — поможем. Хотя я, хоть моя сменщица Любаша. Посадим тебя на любой проходящий поезд. Не сомневайся, неужели! А хочешь, я тебя прям на перроне посажу. Проводницы-то девчата знакомые.

Валерий: Не надо, у меня же билет — сяду!

Катя: Вон, видишь тот столб, на котором красный флажок, который к Первомайской демонстрации повесили? Иди туда, там точно четвертый вагон останавливается. Поезд в Москву в начале одиннадцатого придет. Так что ты поспи немножко. Валентина тебе тормозок-то дала?

Валерий: Да, целую сумку! Так что деньги тратить на это не придется.

Катя: В следующий раз я тебя или без билета сажать буду, или по посадочному. А то на поездки денег не назаработаешь. Чувствую я, что в Москву ты часто будешь ездить.

Валерий: Еще раз спасибо, Катя! Но лучше б не надо.

Он понял, что Екатерина ничего не знает о чернобыльской катастрофе.

Вагон остановился там, где и показала Катя. Заспанная проводница проверила билет и паспорт.

Проводница: И чего вам все не спится дома-то! Сел бы днем, к вечеру бы приехал в Москву.

Валерий: Ладно, не бухти, хозяйюшка! Если надо, то рано и еду.

Проводница проводила его в пустое купе, пожелала счастливого сна, усмехнулась и пошла обратно в свое купе проводников.

Валерий прямо в одежде лег на мягкое нижнее сиденье и... заснул.

Проснулся он от шума в коридоре. Люди сдавали использованное постельное белье. Собрал свое белье и Валерий.

На Киевском вокзале выбрал милиционера лет сорока с добродушным лицом и подошел к нему.

Валерий: Товарищ старший лейтенант! Горе у меня. Похоже, мальчонка мой радиоактивную дозу получил. Вы не подскажете, где здесь есть профильная больница, чтобы все узнать?

Высокий широкоплечий мужчина сочувственно посмотрел на Валерия и предложил:

Милиционер: Пойдем в отдел милиции — тут недалеко. Там ребята быстро позвонят и подскажут куда ехать.

Вдвоем они молча зашагали по перрону, зашли в вокзал и буквально через несколько минут оказались в дежурной части.

Седоватый майор лет пятидесяти выслушал сбивчивую речь Валерия и взялся за телефон. Старший лейтенант отдал честь и пошел обратно на пост, пожелав, чтобы у Валерия в итоге все было хорошо.

Дежурный положил перед ним листочек бумаги: Вот, станция метро Красногвардейская. Там находится шестая больница Министерства среднего машиностроения. Там лечат от радиации. Если будут трудности, звони мне по этому номеру. У меня дежурство двенадцать часов — с восьми утра и до восьми вечера. Что-нибудь посоветую или помогу. Кстати. У нас там должен работать начальником охраны Кирюхин. Мужик невысокий, очень крепкий и упертый. Если что — сошлешься на Александра — это я. Он майором уволился. У него не было высшего образования, окончил только среднюю школу милиции. Вот выше по званию шагнуть и не смог. Ну, удачи тебе!

Он взглянул на потемневшее от горя лицо Валерия и попытался еще раз успокоить его.

Дежурный: Мы — мужчины. Нам плакать нельзя. А выстоять мы должны. Верю, что сможешь!

Валерий благодарно кивнул и крепко пожал руку дежурному.

За забором был виден семизэтажный корпус больницы. Валерий подошел к охраннику и непринужденно сказал.

Валерий: Здорово, служивый! Я пройду тут к своим.

Молодой высокий парень вышел из будки и пустым взглядом уставился на Валерия. Грубо сказал.

Охранник: Ты кто? И кто это свои? К кому идешь?

Валерия немного покорила его фамильярность, но он сдержался. Ради сына он был готов на все.

Валерий: Мне Кирюхин нужен.

Охранник (сразу перешел на «вы»): А, ну конечно, конечно! Раз вы к Александру Александровичу... Он сейчас в главном корпусе. На втором этаже, в кабинете главврача проходит совещание. Пока вы дойдете, оно уже закончится. А я еще потом позвоню и предупрежу, что вы к нему.

Охранник вернулся в будку и нажал на какую-то кнопку. Калитка стала медленно открываться. Валерий дождался, пока калитка полностью откроется и зашел внутрь территории. Сначала он хотел сказать охраннику, что звонить не нужно, но потом передумал, так как это могло вызвать у него подозрение. Он приветливо помахал охраннику левой рукой и внешне спокойно пошел к главному корпусу больницы.

Сориентировался он легко, тем более, что повсюду были указатели: «главный корпус», «первое радиологическое отделение», «второе...»...

Едва он поднялся на второй этаж, как навстречу ему по коридору пошел невысокий крепко сбитый мужчина. В это время зазвонил телефон на столике второго этажа. Кирюхин взял трубку, несколько секунд слушал, потом недобро рассмеялся и сказал.

Кирюхин: Всех друзей встретим.

Валерий подошел к нему и приветливо улыбнулся: Разрешите обратиться, Александр Александрович! Я к вам от майора Александрова.

Напряженное лицо Кирюхина расплылось в улыбке.

Кирюхин: Друг моего друга — мой друг! Что привело вас сюда? Какая-то беда?

Валерий: Может быть, присядем тут на диванчике? А то я еле стою от перенапряжения.

Кирюхин согласно кивнул. Оба мужчины сели.

Кирюхин (начал спрашивать): Сколько вам лет? Откуда вы и как вас зовут?

Валерий представился, сообщил, что он из райцентра Брянской области и что ему идет 35-й год.

Кирюхин покивал и уточнил: Что-то с радиационным облучением связано с вами?

Валерий: Нет. Или пока нет. Но у меня сынишка. Ему десять лет. Заканчивает четвертый класс. Но закончит ли...

Слезы выступили у него на глазах. Валерий сглотнул подступивший ком. Оба замолчали.

Кирюхин (осторожно и тактично): Чернобыль?

Валерий: А вы знаете? Значит, это правда?

Кирюхин: Мы уж тут места готовим. Извелись все. Несколько воинских подразделений оцепили четвертый энергоблок.

Валерий: Что же по телевизору ничего не сообщают?

Кирюхин: В газете «Московский комсомолец» прошла небольшая заметка о неполадках на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции. Еще «Известия» дали небольшую заметку. Но раз нас просят подготовить до 150 копеек, значит, дело очень серьезное.

Валерий: Неужели все так трудно и страшно?

Он замолчал, ссутулился, смахнул слезу.

Кирюхин: Что, у тебя мальчик в Чернобыле был?

Валерий: Нет. Мы же живем в райцентре Брянской области. А 26 рано утром на рыбалку поехали. Я взял сына, его лучшего друга Витюшку, Гену и их подружку девочку Наташу. Все одноклассники. Я-то ничего, а вот они все лежат болеют.

Кирюхин (тяжко вздохнув): Я сейчас зайду к главврачу, потом приглашу вас. Все расскажете — поможем, чем сможем.

Кирюхин ушел обратно по коридору, Валерий остался сидеть. Он уставился в пол и увидел, как по линолеуму ползет божья коровка. Она вдруг взлетела и уселась Валерию на раскрытую правую ладонь. Как ему показалось, долго ползала, а потом вдруг распустила крылышки и улетела.

Валерий (негромко сказал сам себе): Наверное, я этого жучка с собой принес. С улицы. Но вроде поползала, погадала — все закончится хорошо.

В это время из одной из дверей выглянул Кирюхин и помахал ему рукой. Валерий подхватился и пошел ему навстречу.

Кабинет главврача.

Навстречу Валерию вышел седоватый плотно сбитый невысокий мужчина лет шестидесяти и молча протянул руку. Мужчины поздоровались. Главврач присел за длинный стол и рядом с собой усадил Валерию. Кирюхин скромно примостился сзади.

Главврач: Рассказывай, парень! Попробуем диагноз поставить. Хотя лучше бы ты своего сына привез. Он бы стал у нас первым пациентом.

Валерий вздрогнул.

Главврач: Не волнуйся, успокойся, пожалуйста.

Валерий (расплакался, как пятилетний пацан): В общем, съездили утром на рыбалку. Перед обедом вернулись. Я Андрюшечку высадил возле дома, а сам развез ребят — его школьных друзей. Вернулся. Поставил машину. Принял душ. Жена меня накормила. А Андрей что-то закипеть стал. Мы с Валентиной подумали, что устал: рано поехали, там рыбу ловили. Две плотвички еще были живы и плескались в ведерке. Я их в ванну пересадил. А Андрюша спать захотел. Ну, хочет — так хочет. Жена шторы закрыла, постелила ему, в щеку поцеловала. Он долго спал, а потом мы уже увидели кровь на подушке. И вот два дня шебуршимся, шебуршимся... То останавливаем кровотечение, то оно снова начинается. А сегодня я чуть свет уехал, он еще спал. Я даже боялся на него посмотреть — вдруг ему хуже стало. Но жена постоянно при нем, как клушка. Я на нее полностью полагаюсь.

Главврач подошел к своему необъятному письменному столу, снял трубку и нажал кнопку.

Главврач: Это аптечный пункт? Сейчас к вам вместе с Александром Александровичем подойдет парень. Максимально внимательно отнеситесь к нему и продайте без всяких наценок следующие лекарства. В первых трех случаях продайте двойную дозу и очень ответственно объясните, как принимать таблетки и делать инъекции.

Он повернулся к Валерию.

Главврач: Сколько у тебя денег есть?

Валерий (достал кошелек): Двести пятьдесят рублей жена дала плюс своих около тридцати. Ну еще надо обратно билет за шесть рублей купить в общий вагон.

Главврач (обращаясь к Кирюхину): Этих денег может не хватить. Если что — войди там в положение. Парень-то хороший. Удачи тебе!

Скупое попрощались.

Когда выходили из кабинета, главврач окликнул Валерия.

Главврач: Вот, возьми. Книгу тебе дарю. Учебник по радиологии. Передашь своему педиатру. Я думаю, для нее эта книга на долгие годы настольной станет. Как говоришь, зовут твоего педиатра?

Валерий: Это наш районный доктор Агриппина Самойловна.

Главврач: Значит, заслуженный человек.

Он открыл книгу, написал несколько слов, размашисто расписался и поставил дату. Передал книгу Валерию.

Аптечный пункт.

Миловидная ухоженная женщина лет тридцати, знающая себе цену и понимающая, что она нравится мужчинам, с недоумением смотрела на Валерия: обычный молодой мужчина, ничего из себя не представляет, но раз главврач категорически потребовал быть по отношению к нему максимально внимательной, то, значит, надо поручение выполнять. Возможно, он какой-нибудь герой? Или от кого-нибудь из важных людей пришел?

Убитому горем Валерию было не до этого.

Ему выдали все необходимое, продиктовали, когда, что и как принимать.

Валерий (потянулся за деньгами): Не знаю, как вас и благодарить. Сколько с меня?

Когда услышал сумму, то растерялся.

Валерий: Ого! Пятьсот восемьдесят один рубль! У меня таких денег нет.

Заведующая аптечным пунктом (в растерянности): Я же не могу, Александр

Александрович (*обращаясь к Кирюхину*) бесплатно выдавать лекарства! Они же все строгой отчетности!

Кирюхин (угрюмо): Вы по себестоимости продаете? Никаких наценок нет?

Заведующая аптечным пунктом: Можете сами проверить-перепроверить. На самом деле под тысячу тянет.

Кирюхин вздохнул, достал 25 рублей одной бумажкой и протянул Валерию.

Кирюхин: Возьми, дарю! Мы с Александровым как-нибудь сочтемся. Все-таки друг он мой закадычный. А у тебя никого в Москве нет, чтобы занять?

Валерий: Никого у меня нет.

Машинально посмотрел на свою руку.

Валерий: О, у меня часы золотые, за 450 рублей когда-то покупал. Возьмите, пожалуйста!

Заведующая аптечным пунктом (поджала губы): У нас же не ломбард и не ювелирная мастерская.

Но Валерий уже протягивал ей часы. Она вздохнула и сказала.

Заведующая аптечным пунктом: Хорошо, свои положу. И часы почти новые. Но сдачи никакой давать не буду.

Валерий, радостный, что сумел и лекарство получить для лечения сына и так удачно рассчитаться, беспечно махнул рукой.

Валерий: Не беспокойтесь. Я эти часы почти не носил. Недавно жена на 35-летие подарила. У меня еще свои старые сохранились. С армии. Их носить буду.

Всем стало неловко. Кирюхин молча проводил Валерию до выхода из больницы.

Охранник вышел из будки и подобострастно вытянулся.

Охранник: Сан Саньч! Встретили друга?

Кирюхин (сухо): Да, встретил.

Мужчины молча обнялись. Охранник побежал в будку открывать калитку.

Кирюхин: Надеюсь, что мы еще и по радостному поводу встретимся! И не раз!

На глазах Валерия выступили слезы благодарности, он повернулся и вышел наружу.

Райцентр в Брянской области.

Поздний вечер. 29 апреля 1986 года. Единственным человеком, кто вышел из вагона поезда на перрон, был Валерий. На улице городка еще не просохли лужи от дождя. Он был весенний, яростный, но короткий.

Валерий (разговаривает сам с собой): Хорошо, что под дождь не попал, а то вымок бы весь. Может, до полуночи успею.

Он прибавляет шаг. Ему никто навстречу не попался.

Своим ключом открыл калитку, прошел по двору, поднялся на крыльцо. Дверь ему беззвучно открыли. Закутанная в платок, его встретила Валентина Павловна.

Валентина Павловна Наумова: Здравствуй, дорогой муж! Ну что там?

Валерий зашел в дом и, не разуваясь, прошел на кухню. Сел, ссутулился и открыл сумку. Она была теперь легкой, потому что в ней не было провизии.

Валентина Павловна присела на стул напротив.

Валентина Павловна: Что, правда, беда случилась в Чернобыле?

Валерий молча кивнул. Достал с десяток разных газет и начал перелистывать страницы, показывая ей, где что написано.

Валентина Павловна развернула одну из газет и тихонько охнула.

Валентина Павловна: Пожарные погибли — Правик и Кибенок. Жалко молодых офицеров. Но больше они ничего не сообщают. Разве что пишут: пожар тушат два вертолета. Но зачем тушить мешками с песком, если это только пожар?

Валерий: Дальше читай. Похоже, это незаживающая рана на теле Земли на столетия.

Валентина Павловна отложила одну газету, взяла другую и молча углубилась в чтение.

Вдруг они оба услышали какой-то шорох.

В дверном проеме кухни стоял Андрюшечка. Он начал говорить шепотом, но родителям показалось, что он кричит.

Андрюша: Мама! Папа! От чего я заболел? Это плохие люди мне болезнь сделали? Ведь у нас никогда в райцентре ничего не было.

Родители кинулись ему навстречу и подхватили ослабевшее тельце, потому что Андрюшечка стал терять сознание. С трудом протиснулись в комнату и отнесли Андрюшечку в постель. Снова началось кровотечение.

Валерий: Надо маме звонить.

Валентина Павловна: Она в другой комнате отдыхает. Решила тебя дождаться.

В комнату вошла Матрена Николаевна, на ходу запахивая халат. Подошла к внуку и ласково заголосила.

Матрена Николаевна: Ничего-ничего! Кровушка свернется, воробышек зачирикает-засмеется.

Андрюшечка приоткрыл глаза, слабо улыбнулся и снова их закрыл.

Валентина Павловна: Сейчас застонет.

Она не успела рассказать мужу о том, что в течение дня кровотечение дважды начиналось и его с трудом прекращали.

Взяла пипетку, набрала в нее сок ревеня и слегка запрокинула голову ребенка.

Валерий спеленал руки мальчика, а бабушка обхватила ноги. Едва закапали капельки, как Андрюшенька дернулся всем телом и стал кашлять. Но родственники сумели удержать его. Кровотечение прекратилось. Мальчик с минуту постонал, а потом впал в забытие.

Матрена Николаевна повернулась к образу Богородицы и истово перекрестилась.

Валентина Павловна: Так можно всю носоглотку сжечь. Надо Андрюшечке какие-то лекарства давать и уколы делать, иначе изведем его и изведемся сами.

Валерий: Я же совсем забыл! Я же лекарства купил на 581 рубль. Там все на упаковках написано: как принимать и сколько раз в день. А уколы пока не советовали.

Валентина Павловна стала рассматривать лекарства и читать аннотации. Слезы медленно ползли по ее щекам, но она их не замечала. (*Звучит тревожная музыка*). Матрена Николаевна сначала платком, а когда он намок, то рукой вытирала ей щеки. Когда оцепенение прошло, то Валерий сказал.

Валерий: Это острое радиационное поражение. Болезнь будет несколько лет длиться. Потом или мальчик совсем ослабнет, или начнется выздоровление. Но как мне сказали, главное — это остановить течение заболевания.

Валентина Павловна прижала голову мужа к своей груди и ласково прошептала.

Валентина Павловна: Как я тебе благодарна! Везде прошел, все узнал!

Муж погладил ее по руке. Она машинально посмотрела на его левую руку и с удивлением сказала.

Валентина Павловна: А где твои золотые часы?

Валерий (смуценно): Денег не хватало, вот и отдал за лекарства. Хорошие люди встретились. Помогли. Я с главврачом клинической больницы познакомился. Огромная такая больница возле метро Красногвардейская, где лечат от лучевой болезни и радиационного поражения. Я тебе хочу, Валюшечка, сказать по секрету, что там уже на трех этажах койки приготовили для приема заболевших. Значит, действительно что-то очень и очень серьезное.

В разговор вмешалась Матрена Николаевна.

Матрена Николаевна: Мы — вон где, а Чернобыль — вон где! Неужели эта зараза без запаха и цвета невидимо вошла в нас и подтачивает. Как деток жалко! Неужели у них нет будущего!

Валентина Павловна: Да, мама-свекровь! Видимо, это так и есть.

Затем повернулась к мужу.

Валентина Павловна: Валерочка! Иди, душ прими с дороги! Я уже и ванну приготовила. У меня на столе тебе и поздний ужин оставлен.

А я рядом, на диванчике возле Андрюшечки пристроюсь.

Матрена Николаевна согласно кивнула головой.

Валерий по очереди поцеловал дорогих ему женщин и пошел в ванную.

Утром 30 апреля 1989 года все спали. Одни — с устатку, а самый главный член семьи — Андрюшечка — от поселившейся в его детском теле хвори. В одиннадцатом часу утра раздался телефонный звонок.

Валентина Павловна уже не спала, а только дремала и потому сразу же взяла трубку. На другом конце провода сочувственный женский голос спросил:

— Это Валентина Павловна? Вас беспокоит классный руководитель Анна Ивановна. У меня в классе 37 детей. На занятия приходят только пятеро. И то один мальчик сегодня пожаловался на слабость, тошноту. У него несколько раз шла кровь из носа. Я со школьной медсестрой отправила его домой. Остальные дети не приходят. Андрюшечка тоже заболел?

Валентина Павловна (едва сдерживая рыдания): Да, Анна Ивановна! Горе-то какое! Что за Божья кара на нас напустилась. Андрюша очень ослаб, у него уже восемь раз было кровотечение из носа. Капельницу ставили. Что сейчас делать — не знаем. Наш районный педиатр уже пять раз к нам приходила. Кончит ли мальчик четвертый класс...

Анна Ивановна: За учебу не переживайте, мы всех детей по текущим оценкам четвертой четверти в пятый класс переведем. Благодарение судьбе, ни у кого двоек не было. Лишь бы детки выздоровели. А я у них по выпускной класс классным руководителем буду. Держитесь, пожалуйста. Со своей стороны, всегда на помощь приду, если попросите. Всем миром с болезнью справимся. А вообще у нас в школе из 350 детей 180 не приходят. А я, пожалуй, и оставшихся четверых тоже сейчас домой провожу.

Валентина Павловна: Здоровья вам! Очень благодарю за внимание от всей нашей семьи.

На другом конце провода раздалось всхлипывание. Валентина Павловна, чтобы дальше не расстраиваться, медленно опустила трубку. Вдруг она почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Медленно обернулась и увидела улыбающегося Андрюшечку. На бледном лице особо выделялись его серо-голубые глаза.

Андрюшечка: Мам! Видишь, через закрытые шторы лучи солнца пробиваются.

Валентина Павловна машинально кивнула.

Андрюшечка: Давай пару солнечных зайчиков поймаем? И тогда у нас все хорошо пойдет. Помнишь, мы раньше ловили зайчиков? Когда я в первом классе учился!

Валентина Павловна не выдержала и разрыдалась. Она упала на колени перед кроватью, на которой лежал Андрюшечка, и уткнулась лицом в одеяло, чтобы он не видел ее слез.

Мальчик ласково гладил ее волосы. Постепенно поглаживания слабели, а потом прекратились.

Когда она подняла голову, то увидела, что Андрюшечка бессильно лежит на подушке, а из левой ноздри течет струйка крови.

У Валентины Павловны силы как будто удесътерились. Она вспомнила, как живущий через два дома школьный физрук во время трудностей всегда говорил:

«Врешь, не возьмешь! Наша всегда возьмет!!!» Она подхватила и начала делать привычную процедуру.

Андрюшечку уже никто не держал: он сам стоически терпел боль.

Валентина Павловна (еле слышно): Он уже и к соку ревеня привык. Какой у меня сильный и терпеливый сын! Все болезни превозможет, выдюжит.

В трусах и в майке в комнату вошел муж. Мгновенно оказался возле кровати.

Валерий: Валь! Чем тебе помочь?

Валентина Павловна: Все, все! Кровотечение вроде приостановилось. Ты посиди возле Андрюшечки, а я насчет завтрака похлопочу.

Она приготовила жидкую кашу из нешлифованного риса. И медленно, чайной ложечкой, начала кормить Андрюшечку. Также по чайной ложечке давала ему слабый теплый час с лимоном без сахара.

Мальчик поел, благодарно улыбнулся родителям и снова впал в забытие.

В комнату вошла Матрена Николаевна.

Матрена Николаевна: Ну ладно. Вас теперь двое. Я пока на подхвате не нужна. Пойду к себе. Курочек покормлю, утку с утятами выпущу со двора. Днем позвоните мне. А если, не дай Бог, расстройство какое, то сразу прибегу.

Благодарный Валерий пошел провожать мать. А Валентина Павловна внимательно смотрела на сына, и ее губы беззвучно шептали молитву. Просила она о здравии сына.

Валентина Павловна, хотя и пыталась соблюдать режим, но с больным ребенком это выходило плохо. Поэтому она спала урывками.

Утром 14 мая в одиннадцатом часу ей позвонила Тамара. Поздоровались.

Тамара: Мой старший сын услышал, что сегодня вечером перед программой «Время» будет выступать Генеральный секретарь Горбачев. Сказали, что будет очень важное правительственное сообщение. Ты посмотри. Что-то у меня есть предчувствие, будут говорить о Чернобыле. Всякое пишут, разное говорят. А конкретики нет.

Валентина Павловна: Если про Чернобыль, то больно поздно они засобирались. Наши ребятишки вон не встают — болеют.

Тамара поохала в ответ.

В семь вечера включили телевизор. Андрюшечка спал в своей комнате. На экране зажглась надпись: «Важное правительственное сообщение. Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев».

Говорил он долго и путано. Из всего сказанного супруги Наумовы поняли только одно: произошла авария на четвертом энергоблоке, радиация распространилась не только в зоне Чернобыльской аварии, но и задела ряд областей Российской Федерации, Белоруссии и Молдавии. Есть погибшие, раненые, тяжелобольные. Болезнь поражает в том числе и детей, у которых еще не сформирована иммунная система.

Валентина Павловна разрыдалась на плече мужа.

Валерий: Как по-скотски все получается!

Валентина Павловна (сквозь рыдания): Мы что, рабы какие-то? Почему нам так поздно сказали? Почему медицинскую помощь не оказали? Почему на нас наплевали? Ведь мы все ради детей живем!

Валерий подошел к телевизору и медленно нажал на кнопку. Экран погас.

Валерий: Хотел телевизор разбить, но потом, Валя, передумал. Вдруг осколки и нас с тобой заденут. Да он и пригодится нам еще. Теперь могу на спор сказать, только про Чернобыль года полтора говорить и будут. Так забалтывают страшную правду. А вот нам куда с Андрюшечкой деваться?

Валентина Павловна: Я не отступлюсь. Я Андрюшечку спасу! Двадцать четыре часа ухаживать буду. Спать не буду. Но все поправлю. А отсюда куда нам уезжать? Если тут пропадем, то в другом месте совсем пропадем. Здесь хоть родня, друзья, дом свой. А так где-то мыкаться придется.

Застонал Андрюшечка, проснулся.

Валерий: Ты держись перед ребенком. Виду не показывай. Тогда и он укреплять себя будет — не раскиснет.

Валентина Павловна вытерла рукой слезы, кивнула мужу и пошла в комнату к сыну.

На протяжении последующих двух месяцев семья останавливала время от времени начинающееся кровотечение. Андрюшечка иногда садился на кровать или делал несколько шагов, потом слабость брала свое, и он снова ложился. Привезенные Валерием лекарства были полезны, но выздоровления не приносили.

Валерий позвонил Агриппине Самойловне. Попросил придти. Подарил книгу, которую ему вручил главврач. Доктор прочитала надпись, заулыбалась.

Агриппина Самойловна: Книгу выучу, как Отче наш. Андрюше пока ставлю диагноз «недостаточная свертываемость крови», но лейкоза нет.

Чтобы Андрюша чувствовал себя лучше, через день его купали. До ванной он идти не мог, да и было там тесновато. Поэтому для купания приспособили большой тазик, а Валерий купил большую капроновую лейку. Мальчика аккуратно поливали из лейки и промокали полотенцем. Вытирать было нельзя — на коже выступила сыпь: начиналась аллергическая реакция. Затем Андрюшу одевали во все чистое, и он снова ложился в постель.

В августе мальчик было засобирался в школу. Но болезнь снова вернулась.

Андрюшечка попросил: Мама! Через пять дней будет 1 сентября! Попроси, чтобы Анна Ивановна зашла к нам в гости! И нарви, пожалуйста, мне в палисаднике цветов. Я хочу поздравить ее с наступающим Днем знаний. Все-таки я теперь пятиклассник, взрослый мальчик.

Валентина Павловна послушно выполнила его поручение.

Анна Ивановна: Андрюшенька! У нас утром педсовет был. Мы тебя старостой класса выбрали. Многие ребята продолжают болеть, в школу не ходят. Ты тоже пока выздоравливай. А мама с папой пока заявление напишут о том, что переводят тебя на надомное обучение. Я буду приходить и спрашивать тебя по всем предметам. Хотя у нас теперь каждому предмету учит отдельный учитель, но мне директор школы разрешила спрашивать у тебя по всем. Ты согласен?

Польщенный вниманием мальчик покивал учительнице.

Перед новым годом Андрюшечка впал в хандру. Светало поздно, темнело рано.

Родители постарались организовать новогодний праздник. Хотели пригласить Витюшечку, Гену, Наташу, еще нескольких его друзей. Но никто не пришел. Другие дети тоже болели.

А 5 января 1987 года в дверь тихонько постучали.

Валентина Павловна (подумала про себя и негромко сказала): Кто-то из своих пришел или из хороших знакомых. Раз калитку с секретом смогли открыть. Снегу выпало много, белый, рассыпчатый. Кто же это к нам пришел?

Открыла и обомлела. Перед ней стояла исхудавшая, одетая в черное Тамара. Подруга молча упала на грудь Валентине Павловне, забилась в беззвучных рыданиях. И смогла произнести только одно слово: «Ви-тю-шеч-ка!»

Отрыдавшись, осталась в коридоре. В дом заходить не стала.

Тамара: Валюшечка, я тут в сенцах как-нибудь пристроюсь. Ноги не держат. Ты уж Андрюшечке не говори. Мой старший сын волком воеет. Меня начал упрекать, что я недостаточно за ним ухаживала, вот Господь и прибрал.

Валентина Павловна: Тома! Не казни себя! От судьбы не уйдешь. Может, мы тоже напрасно бьемся. Когда похороны-то будут?

Тамара: Договорились на 9 января. Витюшечка первым ушел. Как бы за собой других не потянул.

Женщины снова обнялись и зарыдали, стараясь потише всхлипывать, чтобы Андрюша не услышал.

Валентина Павловна: Мы с мужем вместе придем. А с Андрюшечкой свекровь останется. Говорить ему пока ничего не будем.

На похороны пришли более 200 человек.

Старший сын Тамары записывал каждого пришедшего и благодарил за внимание.

На вопрос одной из матерей болевшего одноклассника: зачем записывает? Он серьезно ответил, что когда будет молиться, то всех пришедших будет упоминать. Пусть Витюшечке на небе будет легче. Многие зарыдали в голос.

На кладбище Валентина Павловна поддерживала Тамару, лицо которой было таким же белым, как снег. Тамара не плакала, только сосредоточенно переводила взгляд с одного лица на другое из пришедших на похороны и почти безумно кивала: то ли благодарила, то ли машинально.

На поминках она напилась и ее отвели спать.

Все понимающе переглядывались: такое горе очень тяжело успокоить и пережить, а то и вообще невозможно.

Домой Валентина Павловна с Валерием шли молча. Во дворе она завела его в курятник, заставила снять траурные элементы одежды и попросила.

Валентина Павловна: Андрюшечке пока ничего не говори. Пусть пройдет хотя бы полгода.

Валерий понимающе покивал ей.

Дома Матрена Николаевна отвела Валю на кухню и сказала.

Матрена Николаевна: Доченька! Андрюшечка несколько раз просыпался и почему-то все звал Витю. Говорил: «Витюшечка! Приходи ко мне. В футбол играть будем! Хватит болеть!» Так с небольшими перерывами раза три сказал.

Валентина Павловна заплакала.

Матрена Николаевна: Валюш! А Тамара сильно убивается. Я боюсь даже, как бы она умом не тронулась.

Валентина Павловна (вытерла слезы): Жутко все. Витюшечка первым ушел. Возможно, еще будут смерти. Но его мы никогда не забудем. Тамара должна подуспокоиться. У нее старший сын остался. Да и не старая она еще сама — тридцать восемь лет всего. Судьба даст, может, еще детишек.

Звучит лирическая музыка грустного характера. Обе женщины пригорюнились — каждая задумалась о своем. Но главная их мысль была об Андрюшечке. Чтобы страшная участь не коснулась его.

На кухне в доме Наумовых сидят Валентина Павловна и ее супруг Валерий.

Валерий: Валечка! У нас осталось всего три тысячи рублей. Ты с работы ушла. Вернее, тебя «ушли». Боятся, что от тебя могут радиацией заразиться другие люди, раз ты за больным ухаживаешь. Нам надо жить, о сыне заботиться, о маме.

Валентина Павловна (отстраненно, думает о своем): Что ты предлагаешь, Валера?

Валерий: Валюшечка! Давай заведем скотинку какую-никакую — пару поросят, с десяток курочек, кроликов. Если хозяйства не будет, то совсем от тоски изойдем и без денег останемся.

Валентина Павловна: А это не помешает нам ухаживать за Андрюшечкой?

Валерий: Не должно помешать. Да у нас и огород большой — курям да кроликам хватит корму.

Валентина Павловна (рассеянно кивает): Хорошо. Но я с Андрюшечкой постоянно буду.

(Продолжение следует)

Яков Шафран
(г. Тула)

РОССИЯ
Венок сонетов

I

Великая земля моя, Россия
Святую Русь веками бережет.
Но враг силен, безжалостен, вития,
Подземной лавой устремленья жжет.

Разлады, распри, беды, смуты, войны
За валом вал катились на страну.
Но разве этого моя земля достойна?
Зачем так много на нее одну?

Россия, ты прошла огни и воды,
В один народ сплотила ты народы.
Гори, гори победная заря!

С любою справишься, страна, бедою.
Ведь Сам Христос кропит святой водою
Твои озера, реки и моря!

II

Твои озера, реки и моря,
Россия, на земле, как капли неба,
Чью благодать они хранят, даря
Защиту, превращая беды в небыль.

От их красы заходится дыханье.
К ним возвращаться хочется опять.
И гонит, гонит мысль одну сознание,
Что многое у нас хотят отнять.

Но верую и верю, что навек
Пребудет православный человек
И защитит природное обилье,

И сохранит страну из рода в род:
Просторы и богатства, и народ,
Леса, поля — свободны от насилия.

III

Леса, поля свободны ль от насилия
Чужих хозяев, денежных мешков?
Тебе, Россия подрезают крылья.
Так есть и было испокон веков.

Но, может быть, судьба совсем иная
Нам предначертана, моя страна,
Чем жить, кому-то слепо подражая,
И спать в объятиях чужого сна?

Господня воля и святые наши,
А также в войнах миллионы павших, —
Вот лучшая на все века броня!

Молись, страна, и слушай голос Свыше,
И будь жива под самой мощной крышей,
Здоров народ, традиции храня!

IV

Здоров народ, традиции храня,
Народ, принявший столько мук и тягот,
Потоков столько злобы и вранья,
Что день ему всегда зачтется за год.

Народ великого предназначенья,
Его не осознавший сам еще,
Оставит ли Господь без попеченья,
Мол, недостатки пусть себе, не в счет?

Чтоб совершенным стать нам для призванья,
Нельзя без жертв, нельзя нам без страданья —
Тут не в пример Емелино безделье.

Лишь подвиг жизни и духовный труд
Героев как примеры создадут,
Как жемчуга в прекрасном ожерелье.

V

Как жемчуга в прекрасном ожерелье,
Кремль стоят по всей Руси большой,
Как прежде создавали доброселье,
И ныне служат городу душой.

Но как не превратить их нам в гламурье,
Которого везде кругом полно,
Как не умножить этим бескультурье
И не закрыть в грядущее окно?

Ведь мы живем, благодаря былому.
И память ни забвению, ни слову
Подвергнуть мы не можем никогда.

Залогом процветанья и величья —
Хранители. Они в земном обличье
Стоят здесь — храмы, церкви, города.

VI

Стоят здесь — храмы, церкви, города.
Никто и никогда их взять не сможет.
Уж было: черной птицею беда
Не раз как налетит — и гложет, гложет.

Вставали добры молодцы тогда
И крепко бились до последней сечи.
Стихала с Божьей помощью вражда,
Стихали даже вражеские речи.

И учит нас издревле Сам Господь,
Что мало пальцы складывать в щепоть,
Одной молитве подобает келья,

Что надо силу-силушку копить,—
Тогда с молитвой могут лавры быть
И повод для спокойного веселья.

VII

Но повод для спокойного веселья
Так редко посещает наш народ,
Что создается стойкое поверье:
У Бога нет для нас в запасе квот.

Но неужели Божиим вниманьем
Россия будет век обделена?
И с болью, муками, страданьем
Вовеки не расстанется она?

О, нет! Тому свидетельств много,
Как проявляется любовь у Бога —
«Взыскую с тех, кого люблю всегда!»

Но жить должны мы не пассивно —
Забота наша вечно неизбывной
О детских судьбах будет лишь тогда.

VIII

О детских судьбах будет лишь тогда
Забота, видимо, и полное вниманье,
Когда коснется нас серьезная нужда,
И с ней придет простое пониманье —

Что главное — народная душа,
А не число позиций в списке Форбса,
И что нам нужно, дабы, поспеша,
Не опоздать с решением вопроса,

С неверием бороться словно с ржой,
С души снимать его за слоем слой,
Дорогу открывая созиданью.

Тогда грядет надежда и любовь,
И с Господом мы возродимся вновь,
Когда придут потомки к состраданию.

IX

Когда придут потомки к состраданию,
Христа заветы станут исполнять,
Придет пора любви и процветанья,
Придет на Землю Божья благодать.

Пока же нет такого пониманья,
Пока другие правила царят,
Нас не покинут в жизни испытанья —
Как тех, кто с головами «без царя».

Но, к Богу выйдя, как на свет из тени,
Мы встанем на надежные ступени. —
Придет конец извечному блужданию.

Навеки станут братьями народы,
Забудут беды прошлые, невзгоды
И справедливость будет к назиданию.

X

И справедливость будет к назиданию,
И правды высоко поднимут флаг,
И силы все направят к созиданию,
И каждый сын народа будет благ.

Иной же скажет: так уж вряд ли будет,
Взгляните нынче уровень какой?
Ведь скоро всякий напрочь позабудет —
Откуда? от кого? и кто такой?

Да, это так, сомнений быть не может,
И боль сознание и душу гложет.
Но, верь, Россия будет спасена.

По капле в сердце мы взрастим надежду,
По капле выдавим раба, невежду,
И патриоты встанут, как стена!

XI

И патриоты встанут, как стена,
В ответ на неприятеля атаки —
Ведь явная и тайная война
Давно на судьбах оставляют знаки.

За что Россию так не любит Запад,
За что гнобит ее из века в век,
Всегда в ней хочет видеть лишь сатрапа,
Отказывая в мудром старшинстве?

Страна моя, дай сил тебе стоять
Наш Бог-Отец, Святая Божья Мать,
Пред Господом лишь будучи смиренной.

И, не приемля зла, измены, лжи,
Сама свою создай как прежде жизнь.
Тогда как прежде будешь суверенной!

XII

Тогда как прежде будешь суверенной,
Традиции,— что в правде Бог,— крепя,
И будешь драгоценностью Вселенной,
Ее преображенье торопя.

Однако помни: хочешь иль не хочешь,
Препятствий будет много на пути.
И может быть ли что-нибудь жесточе,
Как биться жертвой, пойманной в сети.

Но, чтобы не постиг такой удел,
И ты, не зная вновь судьбы предел,
Была как прежде только суверенной —

На переправе не смени коня
И будь, свои традиции храня,
Незыблемой и неприкосновенной.

XIII

Незыблемой и неприкосновенной
Всегда России быть во все века.
Не приведи Господь ей стать ареной
Для вражьего штыка иль дурака,

Чтоб снова жизнь страны пришла в упадок,
Чтоб снова все поля покрыл бурьян,
Чтоб души наши вновь забил осадок
И воцарился на земле обман.

Скажи, Россия, хочешь ли такого
Опять, на горе, бытия чужого,
Когда сама себя ты лишена?

Я верю — нет! Возьми, отбрось чужое,
Не принимай к деянию плохое —
Великой станешь вновь, моя страна!

XIV

Великой станешь вновь, моя страна,
На радость нам, на радость поколениям.
Настанет время — упадет стена
Творимого веками отчужденья.

И совесть, святость, справедливость вновь
Над выгодой, экспансией, насильем
Поднимется. И праведную новь
Навеки свяжут в будущем с Россией.

Но жизни не бывает без борьбы,
И милость не получишь от судьбы,
Поникнув головою от бессилья.

Расправив плечи, голову подняв,
Ты расцветешь, любви Господней вняв,
Великая земля моя, Россия!

XV

(Магистрал)

Великая земля моя, Россия!
Твои озера, реки и моря,

Леса, поля свободны ль от насилья?
Здоров народ, традиции храня?

Как жемчуга в прекрасном ожерелье,
Стоят здесь — храмы, церкви, города.
Но повод для спокойного веселья
О детских судьбах будет лишь тогда,

Когда придут потомки к состраданию,
И справедливость будет к назиданию,
И патриоты встанут, как стена.

Тогда как прежде будешь суверенной,
Незыблемой и неприкосновенной,
Великой станешь вновь, моя страна!

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР ГОРБАЧЕВА М. С.

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

Предисловие

Прежде всего, необходимо объясниться по поводу заглавия повести. Как-то неудобно с этого начинать, а приходится, поскольку необычное название, в самом деле, требует расшифровки. За последние десятилетия утрачен секрет создания таких повестей, по поводу которых автору не приходилось бы оправдываться. Сейчас что ни напишешь — изволь растолковать: что имел в виду, на что намекал, каким художественным методом пользовался. Не то что повесть, заявление в домоуправление не напишешь без того, чтобы не вызвать нареkania читающего. А пишущему всегда важно мнение читающего. Пишущему хочется, чтобы его заявление... Да какое заявление! Повесть, конечно... Вот — начал излагать и спутался... Хочется, чтобы повесть была воспринята доброжелательно, и приходится все разъяснять, начиная с первой же буквы.

Заглавие... Что ж... Заглавие амбициозное и вызывающее. Явно бьет на внешний эффект, против чего всегда высказывались классики русской литературы. Скорее всего, при выборе заголовка автором овладел корыстный интерес, столь непобедимый, столь бессовестно культивируемый некоторыми беллетристами: дескать, увидит читатель на книжном развале или на полке магазина издание со знакомой фамилией и купит из любопытства такую книжечку, а автору от этого — известность и денежки. Все-таки много у нас людей, желающих погреться в лучах чужой славы, рядом с собственным, никому ничего не говорящим, именем поставить известную фамилию! В последнее время все чаще встречаешь все эти писательские уловочки, рассчитанные на ажиотажное привлечение внимания читающей публики, на скандальный успех и быстрые деньги, все эти литературные фокусы, прикрытые фиговым листком какого-нибудь постмодернизма. Вот, например, данная книга, которую вы сейчас держите в руках. Что хотел в ней сказать автор? Вы еще этого пока не знаете, поскольку только собираетесь ее прочитать, а я уже читал и скажу: непонятно в ней ничего. Сюжет какой-то запутанный, двусмысленный, тема и идея тоже не вычлениются однозначно. Про что эта повесть, какие проблемы в ней разрешаются — ни черта не поймешь. Автору-то хорошо: он написал себе, получил гонорар и поехал в дом отдыха. Будет пиво пить и с девушками флиртовать, а вы тут мучайтесь, ломайте голову над тем, что этот самый автор хотел сказать... Просто жалко становится читателей. До слез жалко. Хочется как-то предостеречь... Эх! Если уж совсем откровенно,

то я вам всю правду скажу: название повести никак не связано с ее содержанием, а это уже безусловное надувательство читателя, с чем моя совесть смириться никак не может. Поэтому и предупреждаю сразу: М. С. Горбачев не является действующим лицом повести, и даже упоминается в ней, кроме названия, кажется, всего только один или два раза.

Зачем же автору понадобилось притягивать к наименованию своего, с позволения сказать, произведения имя известного и, несомненно, уважаемого политического деятеля, прославленного во всем мире и, хотя и получающего неоднозначные оценки соотечественников в настоящее время, сделавшего столь много на своих высоких постах?

Возможное объяснение таково: автору, видите ли, захотелось действие своего сочинения отнести к последним месяцам существования Советского Союза, а М. С. Горбачев, безусловно, является ярким персонажем того драматичного и напряженного времени. Но зачем же действовать так прямолинейно? Есть масса других возможностей обозначить время действия своей повестушки, выбрать какой-нибудь иной художественный прием или что там бывает у них, у авторов.

Рассмотрим другой аспект: судя по заглавию текста, логично было бы предположить, что перед нами некое бытописание из жизни верхушки партноменклатуры. Сейчас с этим просто: валяй, выдумывай, наворачивай сюжетцы о развороте, коррупции, невежестве бывших властителей — никто не взыщет, не оспорит. Писака, рисующий у кормила власти в СССР каких-то монстров, а не живых людей, мог бы использовать имя Горбачева в своем творчестве, если позволительно употребить здесь такое слово. Но в данном случае события разворачиваются далеко от Кремля, совсем не в высших эшелонах власти, и носят совершенно частный (даже интимный!) характер. И с этой точки зрения использование имени руководителя советского государства абсолютно не обоснованно.

Рассуждая логически, можно также высказать предположение, что Горбачев сделал что-то хорошее автору, и тот в благодарность вернул его фамилию в заголовок, превратив оный таким образом даже и не в заголовок, а в своеобразное посвящение. Но и такое предположение ошибочно. Автор не знаком с Горбачевым, ни разу с ним не встречался, даже никогда не видел его вживе.

Может быть, дело не в содержании, а в форме произведения? Может быть, нам предлагают сочинение оголтелого формалиста, одурманенного своими изысками настолько, что уже не различает грани между реальностью и воспаленным воображением? Тоже вряд ли. Неясностей, как уже отмечено выше, в повести много, но в целом она в достаточной мере традиционна, хотя название оставляет расплывчатое представление о творческой манере автора. Есть в нем что-то от конструктивизма, что-то от соцреализма, и откровенный кич, и какая-то псевдоинтеллектуальность присутствуют. Неудачно, неудачно подобрано название, что и говорить.

И последнее. Кто давал автору право называть свою повесть краснознаменной, да еще дважды? Никто ему такого права не давал! Другое дело, если бы это была уже известная народу повесть, и за выдающиеся заслуги ей вручили бы орден Красного Знамени или хотя бы само красное знамя. Переходящее... Но, товарищи, повесть награждена ни орденом, ни знаменем быть не может. Повесть — не трудовой коллектив, не корабль, не армейское подразделение. С натяжкой можно считать, что упоминание знамен есть примета времени, намек на эстетику эпохи, когда алые полотнища занимали почетное место в общественных и спортивных организациях, школах, заводоуправлениях и сельских советах, а в воинских частях подлежали охране и обороне на посту № 1. Красные флаги хранились в кабинетах руководителей или в стеклянных витринах вестибюлей учреждений, трепетали на ветру во время демонстраций,

развивались в дни государственных праздников на крышах, у подъездов домов, на телеграфных столбах, издавая по-птичьи крылатые звуки. Под сенью тяжелых знамен, образывавших причудливые, таинственно-священные складки, под сенью стягов, изготовленных из дорогой плюшевой ткани насыщенного красного цвета с роскошным золотым шитьем, представлявшим собой плавно изгибающиеся буквы, а иногда даже портреты вождей, под сенью флагов с густой бахромой по краям полотнища, закрепленного на отполированном древке, увенчанном литым наконечником с изображением серпа и молота, шел прием в комсомолию, в ряды КПСС... Все это так, но какое это имеет отношение к предлагаемому читателю произведению? Ровно никакого. Очевидно, в настоящий момент, когда советский социалистический кумач ушел в прошлое, уступив место триколору, автор, самовольно присвоивший своему произведению звание дважды краснознаменного, в своих фантазиях компенсирует свою житейскую неудачливость, стремясь метафизически обладать тем, о чем, видимо, так мечтал в свое время, но чего не был удостоен по никчемности.

Суммируя вышесказанное, следует признать, что автор излишне легковесно подошел к наименованию своего произведения, не продумал тут все досконально, обнаружил творческую и человеческую незрелость. Что можно сказать о самой повести? Об этом смотрите в послесловии.

Не знаю, что еще написать... Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Автор

I

Август выдался дождливый, хлеба полегли, техника беспрестанно выходила из строя, словно трактора и комбайны поразила какая-то эпидемия. Дел в колхозе было невпроворот, поэтому Виктору Алексеевичу дали отгулы с большой неохотой. Да он и сам бы никуда не стронулся из дома в такое горячее время, если бы не срочная необходимость повидать в городе непутевую дочь.

Деревенский телетайп отстучал... Да нет, бухнул набатом жуткую новость: дочка Володиных беременна. Живет сейчас она в городе, в заводском общежитии, не замужем, а живот у ней растет. Мать, конечно, три дня проплакала, потом засобиралась в город, да Виктор Алексеевич не пустил. Толку от нее никакого. Сядут вдвоем с Машкой и будут в три ручья реветь. Нет, слезами горю не поможешь. Тут надо выяснить, кто обрюхатил Марию, а там, разобравшись, за хобот того молодчика да в ЗАГС. С этой задачей жена не справится, а на себя Виктор Алексеевич надеялся. Он дочери никогда спуска не давал, был суров и требователен. Поэтому, кстати говоря, и в город ее отпускал спокойно. Была у него уверенность, что принципы нравственности Машке растолкованы, разжеваны и вдолблены. Причем иногда добродетель вдалбливалась буквально: тумаками тяжелой отеческой руки.

Виктор Алексеевич знал, конечно, что слухи полнят Землю, а то даже и вращают ее вокруг своей оси. Иногда и вокруг Солнца. Это уж доказано и утверждено: деревенские сплетни точней календаря. Но когда дело касается своей семьи, в этот закон природы не хочется верить, и колхозный звеньевой в глубине души лелеял надежду, что, может, брешут бабы, может, и нет ничего, а поездка в город окажется лишь очередным свиданием с дочерью, завершится без скандала. Потому Володин не очень сопротивлялся, когда жена, снаряжая его в дорогу, набивала снедь сумку за сумкой.

— Ты ишо птичьего молока ей найди, курве,— ворчал Виктор Алексеевич, своим тоном, однако, допуская возможность возражения, что жена чутко улавливала.— Ей,

курве, ноги мало повыдергивать, а ты ее все кормить собираешься. Ну, куда, куда ты пхашь?

Жена молчала, двигала соплями, роняла слезу и, моча же, подсовывала в натянутую барабаном сумку из мешковины еще один шматок сала.

Собирались, словом, долго, а на прощание времени не оставалось: надо было еще километра с два идти до центральной усадьбы колхоза, чтобы успеть на рейсовый автобус, который отправлялся в областной центр по четным дням.

Виктор Алексеевич взвалил на плечи рюкзак, взял сумки и крикнул: весома была материнская любовь. Жена семенила рядом, провожая хозяина. Много хотелось ей сказать мужу в минуту расставания, но всего сказать невозможно, а что-то заветное, важнейшее она не могла сформулировать и потому молчала. Да к тому же убедилась за годы совместной жизни с мужем, что слова ее словами останутся, а Лексеич сделает все по-своему.

— Ты уж, отец, там... — вот и все напутствие.

— Дрын хороший ей, стерве, прихватить бы! — откликнулся Виктор Алексеевич, выходя со двора и направляясь «задами» в поселок.

Его сгорбленная фигура с руками, оттянутыми сумками, удалялась и как бы сливалась с колосившимся полем. Жена долго смотрела вслед, и ей жалко становилось немолодого уже человека, сутулившегося под тяжелой поноской, и дочь было жалко, и сына, живущего в другом городе, от которого тоже давно уже не было никакой весточки, а стало быть, плохо ему там, вдалеке, на заработках, с вредной, хотя и красивой женой; и саму себя, провожавшую их всех со двора уж не один десяток лет, было жалко, да так еще жалко, жальче всех. Слезы в очередной раз навернулись на глаза, да что ж такое бабы слезы — известно, вода. Сколько той воды утекло за годы утраченных надежд, тревожных ожиданий, разлук на неопределенный срок — не сосчитать. Вот и опять — как не всплакнуть: ушел мужик за ворота, ничего не сказал на прощание, плохо как-то ушел, в сердцах. Наверное, она сама виновата, что так все не по-людски у них выходит. Сейчас, например, когда уезжал он по такому важному и деликатному делу, могла бы, кажется, найти задушевные слова, но не нашла. «Ты уж там...» — вот и все, что сказала. Что муж будет делать «там», какое оно, это самое «там» — этого женщина не знала.

И Виктор Алексеевич не знал, чем обернется его поездка. Сперва он раздраженно передразнивал про себя жену: «Ты уж там...» Чего «там»? Балаболит баба. «Ты уж там... Ты уж там...» Возьмись сама, поехай! Нет, только языком чешет!» Тут Володин осекся, почувствовав несправедливость обвинений, и дело было не только в том, что изначально жена как раз и собиралась ехать к дочери сама, но еще и в том, что была она далеко не болтушка. Ну, в сердцах-то чего не скажешь! Раздражен же Виктор Алексеевич был даже не отъездом из деревни в самую горячую пору полевых работ, не суетой сборов, не придавливающей к земле родительской ношей, а, в первую очередь, тем, что не мог чувствовать себя в городе абсолютно уверенным, исподволь опасался встречи с каким-нибудь нахрапистым, наглым малым, ушлым ухарем, который жениться на Машке не захочет ни в какую, заартачится, опозорит его, сельского жителя. Сомневался колхозник и в дочери: как примет, чью сторону займет в предполагаемых спорах о будущем — его, отца, или своего хахаля?

По мере приближения к автобусной остановке кипение чувств разряжалось в быстрой ходьбе, в труде переноса поклажи. Постепенно мысли Виктора Алексеевича переключились на хлеба, попутно обозреваемые, а потом и в область совершенно отвлеченную: «Это сколько же земли, сколько зерна, а живем по талонам, — думал Виктор Алексеевич. — Куда ж все девается? С войны карточек-то не было, а счас — на тебе! — талоны. Вот ведь оно как...» Философское, подспудно диссидентское, из-

вечное мужицкое «вот ведь оно как...» Виктор Алексеевич повторил про себя несколько раз.

Наконец, он вышел из березовой посадки, и автобусная остановка оказалась в зоне видимости. Народу на остановке было много, и мысли Виктора Алексеевича потекли в другом русле: «Должно, будет сегодня автобус-то: глянь, сколько собралось... Это Нинка-продавщица что ль стоит? Ну, точно, будет автобус. Нинка всегда про автобус откуда-то знает... Вот опять: глянь, сколько людей. Почему не работают? Дел в колхозе пропасть, а они катаются. Ладно, я — по делу еду. А они чего? Никто работать не хочет! Вот ведь оно как!»

Поздоровавшись с собравшимися, Виктор Алексеевич опустил тяжеленные сумки на землю, присел на металлический остов сломанной скамьи, спиной, чтобы рюкзак не душил (снимать его не хотелось, дабы не замешкаться при посадке в автобус), привалился к стенке остановочного павильона. И сразу стало легче. Из толпы на Володина то и дело поглядывал беззубый конюх Хромов. Дав Виктору Алексеевичу отдышаться, Хромов решил лично засвидетельствовать почтение:

— Здоров, Лексеич!

— Здоров!

— Далеко собрался?

— У город.

— Далеко!

— Ты-то куда?

— Я? Я до станции.

— К дочке едешь, Виктор Лексеич? — встряла некстати Нинка-продавщица.

— К дочке,— сухо ответил Виктор Алексеевич, тоном давая понять, что разговор о цели поездки ему неприятен, и продолжать его он не намерен.

Нинка и сама не стала развивать щекотливую тему, справедливо полагая, что все интересное она узнает в любом случае, пусть не из первых рук, от этого угрюмого мужика, так от кого-нибудь из женщин. В высшей степени любопытные сведения о физическом и нравственном самочувствии Машки Володиной не могут пройти мимо сельмага, обязательно будут об этом судачить бабы, стоя в очереди или поджидая кого-нибудь из кумушек уже после покупки. Сельпо, ведь, это не столько торговая точка, сколько место общения, такой деревенский Гайд-парк, где можно выразить свое отношение ко всему, что творится в колхозе и в окружающем его мире. А важнейшая тема на селе — нарушение норм морали, поэтому Машку Володину бабы еще неоднократно решительно осудят, снимут этическим рубанком стружку с непутевой, шальной девахи, да такие подробности раскроют, что только слюнки глотай от удовольствия. Нинка, увидев приближающегося к автобусной остановке Лексеича, и так уже получила интереснейшую для себя информацию, которую можно будет сочно и несколько небрежно обронить в разговоре с кем-нибудь из покупательниц: «А Володин-то, слыхала, к Машке в город поехал, жратвы повез — чертову прорву...» Теперь Нинка обдумывала, как бы ей съязвить самому Лексеичу в лицо и при этом не нарваться на неприятности, но толкавшиеся чуть в стороне старухи отвлекли продавщицу, вопрошая: «Нин, точно будет автобус-то?» Нинке, чтобы поддержать свое реноме уважаемой особы, которая всегда в курсе последних новостей, надо было обстоятельно, даже в чем-то официально разъяснить гражданам принцип работы пассажирского автотранспорта на текущий момент времени. Оказалось, что Колька, водитель хлебовозки, с утра привозивший в сельпо хлеб, по дороге видел рейсовый автобус, правда, стоявшим на обочине по причине поломки. И Толька (это шофер автобуса) просил Кольку сообщить о неисправности другому Кольке, шоферу с молокозавода, который давно уже должен был Тольке именно ту запчасть, что вышла из

стройка. Колька, тот, что с хлебовозки, проезжая мимо молокозавода, передал просьбу Тольки Вальке, табельщице, каковая Валька обещала через Светлану Андреевну известить другого Кольку о необходимости ремонта автобуса. А поскольку шофера всегда друг другу выручают, то Колька с молокозавода обязательно поможет застрявшему в пути Тольке, и даже если у него самого искомой детали не случится, он перезаймет у Вани-Миши и через Вовку, который повезет председателя на нефтебазу, передаст Тольке запчасть. Таким образом, нет никакого сомнения в том, что автобус будет отремонтирован и обязательно отправится в рейс. Хотя Толька может и не рискнуть ехать на не очень исправной машине в город, но уж до станции всех довезет.

Маловеры из потенциальных пассажиров поуспокоились, а Виктор Алексеевич решил так и не снимать с плеч рюкзак, погонял его по спине для пущего удобства ожидания, достал из кармана пиджака махорку, бумажку резаную, завертел самокрутку. Хромов подсел ближе к запасливому соседу:

— От, бить-колотить, как без курева обходиться? Хоть бы уж талоны давали. Нет, бить их, колотить! Ни талонов не дают, ни в магазин не завозят!

Виктор Алексеевич, молча, дал Хромову бумажку, протянул кисет. Хромов хищным движением зацепил приличную щепоть махорки, сыпанул на закрутку:

— Иде-то кисет достал, бить тебя, колотить! С войны ить я не видал кисетов, — засопел конюх, слюнявя бумажку. — Духовитый самосад у тебя, Лексеич!

Хотелось Виктору Алексеевичу ответить: «Вот и садил бы у себя, не хуже был бы!» Но смолчал.

— Я-то до станции еду. Надоть мне там чинариков пособирать. Посушу их, табачок какой-никакой будет... Да ить щас докуривают — аж обжигаются. — Хромов свернул самокрутку, потянулся к Лексеичу прикурить.

И затянулись мужики. Густой сизый дым пахнул из-под козырькастых картузов, завертелся в вольном воздухе. И словно все беды-горести, все заботы зависли веревочкой, скрутились в клубочек и канули в синем небушке. Хорошо было вот так попыхивать самокрутками, сидеть, поглядывая окрест, никуда не спеша. Нет для русского человека ничего притягательнее созерцания происходящей вокруг жизни, когда судьба дает такую возможность — отрешенно созерцать; нет ничего более манкого, чем, находясь как бы и при деле, побездельничать. Только редко такие минуты выпадают. Поэтому крестьяне подспудно чувствовали некую недозволенность свалившегося на них досуга, и от этого приятное времяпрепровождение обретало черты запретного плода, и становилось вовсе уж сладким.

Бабы на остановке судачили о чем-то своем, а Виктор Алексеевич с Хромовым, прищурясь, глядели в голубую даль, обрызганную кое-где ранними осенними красками. Молчали оба, обоим думалось легко и с размахом: о предстоящей поездке в город, о хозяйстве, об окружающих, о жизненных перспективах... Более того! Между ними шел безмолвный диалог: каждый, мысля о своем, рассуждал и за соседа, прикидывая, как тот ответил бы на какой-нибудь вопрос, опровергал возможные доводы, приводил свои аргументы и новые контраргументы молчащего собеседника. Слова сделались ненужными, а невербальная дискуссия за единицу времени охватывала столь широкий круг вопросов, что голова слегка сдвигалась с места и напряженно кружилась. Короче говоря, мужики медитировали.

Будь Виктор Алексеевич и Хромов шарлатанами, соблазненными высшим образованием, они могли бы написать трактат об измененных психологических состояниях. Неплохо выглядел бы титульный лист: «Володин, Хромов. Практическое применение имманентных волевых усилий и теория гносеологии». Но конюх и знатный звеньевой механизированной бригады не считали себя вправе поучать других. Они просто жили своей жизнью. Они и в самом деле знали жизнь.

Через полчаса Виктор Алексеевич спросил:

— Ну, что? Уедем мы сегодня?

— Уе-еди-им! — уверенно отозвался Хромов.

Молчание возобновилось.

Почему бы, собственно, им не уехать? Ведь оба они имеют волю уехать. И еще вон полтора десятка старух, Нинка-продащица (а у нее очень сильное волевое поле) и несколько женщин с соседнего поселка имеют волю уехать. А где-то на обочине дороги Толька, судя по всему, тоже хочет их подвезти. И оба Кольки готовы в этом содействовать. И многие еще люди. При соединении воедино множества желаний, как показывает практика, нет ничего невозможного. Время, расстояние, исторические катаклизмы и испорченные механизмы не могут быть препятствием для воплощения людской воли.

Несколько человек, собравшихся на автобусной остановке, как правило, добираются до пункта назначения. Даже если они соберутся в нечетный день, даже если рейс будет отменен. Важно только верить в достижимость своей цели. Важно только, чтобы все искренне верили. Ну и, конечно, чтобы не вмешивалась чужая недобрая воля. Вот если бы Толька хотел, скажем, не ехать своим маршрутом, а закатиться в гости к Клавке; если бы Колька за что-нибудь сердился на Тольку и не собирался ему помогать; если бы Хромову было безразлично, попадет он на станцию или нет, тогда бы, разумеется, ничего не вышло. Но в таком случае, зачем собираться на остановке? При подобном разномыслии не то что в город не добраться — вообще все рассыпалось бы, ушло, как вода сквозь пальцы, и, может быть, пресекалась бы сама жизнь. А жизнь продолжается, значит, в душе каждого коренится какое-то неустрашимое, объединяющее всех стремление.

Прошло около двух часов, и вдруг Хромов, словно чуткий цепной пес, встрепнулся, вытянул шею, прислушиваясь, различил отдаленный шум мотора. Конюх привстал, разминая затекшие от долгого сидения конечности: «Идет, бить-колотить!» Неказистый грязный автобус подкатил к посадочной площадке. Бледное от благородства (или просто пыльное?) лицо шофера выражало ожесточение воли и скрытое ликование. Внимательно следившие за приближением транспорта пассажиры в волнении переминались с ноги на ногу, стараясь угадать, кто из них окажется ближе к дверям. Машина остановилась с воем, рыком и скрежетом зубьев шестеренок. Зашипел нагнетаемый компрессором воздух, и с лязгом распахнулись шарнирные створки — как будто механический удав раскрыл пасть, собираясь пожрать устремившихся в его глотку кроликов.

Начинался новый этап эпопеи «Поездка в город» — посадка. Посадка картошки или, скажем, фруктовых деревьев очень хорошо знакомы деревенскому человеку. Да и посадка в смысле заключения под стражу известна и даже привычна. Посадка в общественный транспорт, при всей кажущейся обыденности, — дело нервное и хлопотное. Тут, перво-наперво, не забыть что-нибудь из багажа; второе — пробиться в салон в первых рядах и «захватить» сидячее место, чтобы не стоять во время движения (а то еще, бывает, надо кому-то место занять рядом с собой, чтобы потрафить знакомому и заполучить интересного собеседника для путешествия); а в-третьих, следы, чтобы в давке и суматохе не выронить деньги и документы. Вот оно как!

Поэтому, когда лязгнул металлический зев автобуса, Виктор Алексеевич внутренне напрягся, отрешился от снисхождения к ближним своим и пошел на штурм. Приступ проходил по всем законам тактики: передние и задние двери моментально блокировали пассажиры и по одному просачивались внутрь. Виктор Алексеевич в людском водовороте занял не очень выгодную позицию — наискосок от входа. Хромов был впереди, подсаживал под локти старух, плечом пропихнул под зад дородную

Нинку, сам скрылся в прямоугольном проеме. Подошла очередь Виктора Алексеевича. Он натужно рванул свои сумы, закричал, словно в тех сумах тяга земная была, и полез внутрь накаленной солнцем машины. Но только лишь он поднялся на подножку, огромный рюкзак потянул назад с непреодолимой силой. Виктор Алексеевич на миг качнулся, начиная падение (в голове успело мелькнуть: «Во как тонут-то!»), но товарищеский тычок в поясницу придал телу другой импульс, Виктора Алексеевича развернуло, и бочком он протиснулся в узкий проход. В салоне силой инерции крестьянина все еще крутило вокруг своей оси, и от того одна из сумок плотно кокнулась о ребристую дверцу. Внутри сумки что-то вздрогнуло, хрустнуло, потекло. Поднимавшаяся следом баба (да и баба-то какая-то чужая, не знакомая Виктору Алексеевичу) коленкой уперлась в проклятый этот баул, и по юбке, сравнительно новой еще добротной юбке, приберегаемой специально для поездок в город, поползло пятно. Виктор Алексеевич машинально отдернул сумку, теперь уже явственно звякнуло внутри стекло.

— У тебя что там? Не масло? — баба эта среагировала моментально, как будто заранее знала, какой неприятный инцидент ожидает ее.

— Нет, — машинально ответил Виктор Алексеевич, хотя сам толком не знал, что именно везет он в город. По теории вероятности, масло с равным допущением могло как оказаться, так и не оказаться в сумке, в зависимости от того, что взбрело в голову жене, и от того, какие продукты были в запасе на момент сборов. Но в сложившейся ситуации Алексеичу хотелось считать, что масла у него не было, иначе изматывающие душу пререкания с намочившей юбку бабой становились неизбежны.

Пузатая сумища с одного боку просела и замокрела. Прежний гладкий да ладный вид был испорчен, из порвавшегося бурдюка сочилась на пол жидкость, и когда образовалась небольшая лужица, по автобусу волной прошел запах. Сложный запах: тут тебе и укропчик, и хрен, и растворенная каменная соль, и смородиновый лист, и, конечно, они — огурчики домашние, сердцем хозяйки возлюбленные, руками ее вымытые да засоленные, символ семейного застолья, отрада гурмана. Ясно стало, что не масло было в неизменной трехлитровой банке, баба успокоилась. С удобного места у окна хитро подмигнул Хромов. Двери захлопнулись, автобус тронулся. Замешкавшийся Виктор Алексеевич оказался среди немногих пассажиров, которым не досталось сидячих мест. Оставалось свалить с плеч неподъемный рюкзак и ждать, пока освободится сиденье.

Виктор Алексеевич про себя материл жену: «Сунула все-таки!» Действительно, супруга, презрев его недовольное ворчание и даже прямой запрет, тайком поместила на дно сумки банку с солеными огурцами, сверху замаскировала другой снедью и отправила Виктора Алексеевича, свято веря, что муж так и не узнает, каких гостинцев собрала она дочери. Да так бы и вышло, если бы не случайность при посадке.

А Виктору Алексеевичу очень уж не хотелось везти эту банку. Уже не молодой он, не двужильный, чтоб переть невесть сколько — ему уже тяжело. Да и мало ли, что в дороге бывает, лучше обойтись без стеклянной посуды. И вот теперь, когда все случилось, Виктору Алексеевичу с жестокой ясностью сделалась понятна вся мера бабской глупости, эгоизма и жадности. Так нелепо, так несправедливо все вышло, что Виктор Алексеевич всерьез расстроился. Чудилось, что никто его не любит, все хотят попользоваться им втемную, и так обидно, так горько стало на душе... Да еще рассол огуречный продолжал вытекать на пол капля за каплей, травя душу.

«Эх, ма!» — Виктор Алексеевич поднял глаза к потолку автобуса. А там продолговатые сводчатые окна были вставлены. Синего цвета. Солнце лупило сквозь дымчатые изогнутые стекла, и от этого в салоне становилось как-то туманно. Зачем бы такие стеклышки в рейсовом трудяге-автобусе? Тут не туристы какие едут, чтобы

озирать сквозь синеватую дымку заоконные красоты. Нет же — вот тебе и цветное стекло, и выгоревшие, полинялые, пыльные занавески. От сознания чужеродности себя в окружающей обстановке еще более горько сделалось Виктору Алексеевичу. К тому же, то окошко, что над его головой, было с ущербом: камешек, щебень ли отлетели из-под колес впередиидущей машины на невесть каком километре в невесть каком году — кокетливое нездешнее стекло треснуло от удара, но не разбилось. Трещинки разбежались паутинным узором, и рисунок этот белел на синем фоне. Получилась нелепая, неправильной формы девятиконечная звезда. Она почему-то очень раздражала Виктора Алексеевича, и он всю поездку потом неодобрительно поглядывал на корявую отметину.

А мог бы, казалось, понять (пожилой человек!), что мелочь же это. Чего к мелочам цепляться? О большом думать надо, о главном. Ведь довезли же его в город? Довезли! А ради хорошего настроения пассажиров слегка треснувшие стекла менять — это расточительство и непозволительная роскошь.

II

Стоя у большого квадратного окна своего кабинета, Равиль Шамсутдинов наблюдал за течением жизни. На улице моросило, дождевые капли змейками сбегали по стеклу, и окружающая действительность казалась погруженной на дно морское. Очертания предметов становились размытыми, звуки — приглушенными, а движения — замедленными. Преодолевая наваливающуюся от этой картины апатию, Равиль фиксировал, как некоторые сослуживцы покидают проходную завода, хотя гудка, означющего конец рабочего дня, еще не давали.

«Вот эти вот идут — из планового отдела,— отметил про себя Шамсутдинов.— Постоянно недорабатывают. А это завстоловой потопала. И, конечно, с огромной сеткой. Как ее только пропускают? Вот выйти как-нибудь пораньше и задержать...»

Но профсоюзный вожак предприятия никогда не выходил «пораньше», напротив, он часто подолгу засиживался на рабочем месте и после гудка, поскольку относился к своей должности ответственно и даже трепетно. Вот и сейчас он не просто глазел в окно, а собирал материал для отложенных пока организационных выводов, и одновременно слушал рассказ профорга третьего цеха Семеновой, которая жаловалась на повальное пьянство наладчиков. Наладчики (даже и пьяные) — большой дефицит на производстве. Зная это, мастеровые распоясались, вели себя несусветно нагло, и что с ними делать, Равиль не представлял, поэтому лицо его было грустным и сосредоточенным.

Завод оставляли все новые и новые представители инженерной прослойки. Выходили, пряча в карманы пропуска, озабоченно смотрели на небо, поднимали воротники, прикрывались от дождя газетами, спешили к остановке. Некоторые (запасливые!) раскрывали зонты. Минут через пять плотной массой повалит домой и рабочий класс. Равиль любил смотреть на расходящихся после смены пролетариев, на лица, подсвеченные радостью предстоящего отдыха после напряженного трудового дня. Чувство причастности к чему-то существенному и даже великому возникало в душе председателя профкома всякий раз, когда он наблюдал за тем, как по-хозяйски вышагивали усталые мужики, как деловито поспешали женщины. Но этот момент нужно переживать одному, сокровенно. А профорг Семенова все тянула, тянула свою обличительную речь.

Разбредавшиеся от проходной ИТР перебегали через проезжую часть, поскакивая между лужами, лавируя среди машин. «Неужели лень двадцать метров дойти до пешеходного перехода?» — негодовал про себя Шамсутдинов. Вот какая-то девушка

(машинистка из отдела сбыта?), храня под газетным куполом прическу и не видя ничего вокруг, ринулась наперерез транспорту. Завизжали тормоза, в полуметре от машинистки резко остановился замызганный, покосившийся на бок междугородный автобус. Бледный водитель, высунувшись из кабины, от испуга и волнения чрезмерно грубо ругал разиню-машинистку. Голоса его слышно не было, но по артикуляции все читалось настолько отчетливо, что Шамсутдинову стало неловко — в кабинете находилась женщина. Пассажиры автобуса (явно прибыли откуда-то из глубинки) приникли к оконным проемам и своим строгим видом выражали осуждение городских гуляк, так грубо нарушающих правила дорожного движения. Глядя из-за стекла кабинета на лица за стеклами захоластного транспортного средства, профорг невольно выделил одного колоритного мужчину средних лет — в нахлобученном картузе, с таким скорбным взглядом, что, казалось, он собственную дочь чуть было не потерял под колесами. Из окна третьего этажа заводоуправления Шамсутдинову было видно, что одно из солнцезащитных стекол на крыше автобуса треснуло, видимо, от попадания мелкого предмета. На фиолетово-синем фоне трещинки образовывали белесую неуклюжую звездочку.

Равиль неприязненно подумал о водителе: «Грубиян, а стекло заменить не может!» Конечно, и машинистка была виновата — она создала угрозу аварийной ситуации. Шамсутдинов резко отвернулся от окна, сказал Семеновой:

— Ладно! Кто прав, кто виноват, мы разберемся. Как вообще у тебя в цеху? Какой настрой у людей?

— Нормальный, — не раздумывая, ответила Семенова, хотя до этого момента битый час объясняла начальнику, как разлагают коллектив пьянки наладчиков. Но возможно ли на вопрос «какой настрой у людей?» ответить что-либо, кроме «нормальный»? Нет, если уж задан такой вопрос, задан с суховатой, официальной интонацией, значит, руководящий работник хочет самую сердцевину в тебе прощупать. Что ты есть за человек? Склонятся ли над тобой комиссары в пыльных шлемах? Помнишь ли, каким орденом награжден ВЛКСМ в 1948 году? Бесхребетный интеллигентнытик подтекста не уловит, начнет нудно анализировать настроения коллег; простоватый выдвигенец-пролетарий брякнет всю правду, режет откровенностью. Но человек с дальним аппаратным прищуром найдет единственное нужное слово: «нормально». И если слова «какой настрой у людей» — это пароль начальников, то отзыв подчиненных: «нормально». При декодировании аппаратно-бюрократического шифра это означает: «Трудности, конечно, есть. Много трудностей. Но вам, дорогой руководитель, я о трудностях не стану рассказывать, а приложу все усилия, чтобы выполнить задание, если вы меня таковым оделите. Соберемся, в узел завяжемся, но все сделаем, не считаясь с затратами сил и времени... Ну а если нет мне поручения, если просто бдительность проявляете, то и тут тревожиться нечего. Держим подчиненных в узде. Настрой у людей нормальный. Без явных отклонений. Люди наши... Видели бы вы этих людей! С кем приходится работать! Но знаю, верю, что моя кипучая деятельность не останется незамеченной, что найдется случай меня выделить, отметить, премировать».

Шамсутдинов, который сам в свое время активно прибегал к употреблению заветного слова (да и сейчас его использует, если вышестоящее руководство интересуется состоянием дел), понял и оценил без запинки вылетевший ответ Семеновой. Надо было ее поощрить, поддержать ее движение в выбранном (пока, может быть, интуитивно) направлении. Поэтому Шамсутдинов отошел от окна, присел (но не в свое кресло, а напротив Семеновой на краешек стула, подчеркивая неформальную заинтересованность в подопечной) и осведомился:

— Какие есть проблемы?

Семенова подумала, покопалась в памяти:

— Работница одна... Володина Мария... Ждет ребенка. Хорошо бы, когда родит, путевку в профилакторий. Пусть за ней врачи присмотрят, за маленьким.

— Сделаем,— Шамсутдинов поднялся, солидно косолапя, подошел к рабочему столу, что-то записал в ежедневнике.— Муж ее где работает? Тоже у нас?

— Нет. Она одна, без мужа.

— Без мужа? И ждет ребенка? Что-то ты, Семенова, упускаешь контингент.

— Что же? По ночам рейды в общеаг устроить? — Семенова знала, что упрек сделан для проформы, не всерьез, поэтому отвечала смело.

— Володина в общежитии живет? — Равиль сделал еще пометку в календаре.— Надо с коменданта объяснения потребовать.

— Так ведь... Равиль Хуснулович... Дело необычное. У меня подруга в поликлинике работает, я с ней разговорилась об этом... Так, случайно... И вы знаете что... Маша-то ведь — девушка,— Семенова чуть понизила голос, с заговорщицкой улыбкой приглашая по-свойски посекретничать.

— Девушка? Беременная? Такое бывает?

— Редкий случай. Это, вроде, внематочная беременность, но не внематочная, а...

— Ну, я этих ваших деталей не знаю, и знать не хочу! — пунцовым светом вдруг вспыхнул Шамсутдинов, невольно сжимая кулаки и даже чуть пристукнув ими по столешнице.

— Извините,— оторопела Семенова.

— Извиняю. Но единственный раз...

Шамсутдинов и сам не ожидал от себя такого срыва, но Семенова с бесцеремонностью наивного собеседника вторглась в запретную для разговора зону. Никогда ни для кого не сформулированное, но строжайшим образом соблюдавшееся в этом кабинете табу абсолютно исключало темы, так или иначе связанные с физиологией человека. Равиль был уверен, что за годы работы сформировал такой круг общения, внутри которого все было нацелено на решение исключительно производственных задач, что этот круг крепостными стенами охватывает его частные переживания, что никто не вломится к нему с приватной болтовней. И вот, когда Семенова так внезапно перевела разговор в интимную (даже анатомическую) плоскость, Шамсутдинов вдруг настолько естественно вообразил все подробности женского организма, что невольно потерял самоконтроль. Приходя в себя после неожиданного приступа какой-то детской агрессивной застенчивости, чувствуя, что этот необъяснимый приступ скомпрометировал его в глазах подчиненной, обозначил слабинку, профсоюзник продолжил, пытаясь деловитой напористостью сгладить неловкость ситуации:

— Ей, наверное, как матери-одиночке, дополнительные талоны положены. Я узнаю.

Шамсутдинов еще что-то черкнул в ежедневнике. Записывая, он боковым зрением уловил, что профорг третьего цеха внимательно изучает его лицо. Для Семеновой коллизия с Машей Володиной была не более чем житейским делом, и она искренне не понимала неадекватной реакции начальника. Равиль с отвращением почувствовал, что еще сильнее краснеет под пристальным взглядом. Пот выступил у корней волос. Шамсутдинов хотел было промакнуть влагу платочком, но удержался, не желая лишней раз обнаруживать свое волнение. Однако бисеринки пота моментально слились в каплю, а капля предательски поползла по виску, так что не заметить этого было невозможно. Шамсутдинов раздраженно воткнул авторучку в гнездо письменного прибора, стоявшего рядом с настольным календарем, и сделал еще одну попытку закончить разговор так, чтобы посетительница сосредоточилась на действительно важных вопросах. Как бы в задумчивости почесывая лоб, он проговорил:

— Ладно, Семенова. Иди. Иди и работай. Помни: у нас с тобой работа самая трудная. С людьми. А люди — это человеческий фактор, важнейшая составляющая ускорения.

— Равиль Хуснулович! Про ускорение-то, вроде, уже никто не говорит,— в голосе Семеновой сквозило удивление и недоверие, относившееся, впрочем, отнюдь не к общественно-политической ситуации, а все к той же неоправданной эмоциональности Шамсутдинова.

— Сейчас не говорят, а придет время — скажут. Что один раз сказали, то действует, пока не отменяют. Вот коммунизм к восьмидесятому году отменили — мы про него и не вспоминаем,— сказав это, Шамсутдинов досадливо поморщился: что за глупость, при чем здесь коммунизм, восьмидесятый год? Он пытался вернуть в свою речь как можно больше бессмысленных слов, привычно прибегая к ним в момент неуверенности, но чувствовал, что лишь сам запутывается, давая этим Семеновой новый повод недоумевать.— Вот... А ускорение никто не отменял.

— Да, вроде, не слышно было...

— Так-то.

— Ой, как все сложно, Равиль Хуснулович! — ехидно протянула Семенова тоненьким голоском.

— Знаю. Знаю, Семенова, что сложно. На то мы с тобой народом и избраны, чтобы сложные задачи решать. Простые и без нас решатся. Ну, иди,— Шамсутдинов чувствовал, что кровь никак не отхлынет от головы, и поспешил расстаться с профоргом.

— До свидания! — Семенова поднялась, махнула юбкой в такт шагам, прикрыла за собой дверь кабинета. По тону ее прощания стало понятно, что она уносила с собой новое понимание характера председателя профкома, знание малюсенького секрета, который, возможно, поможет подобрать ключик к этому непреклонному человеку. И Шамсутдинов осознал, что даже своей походкой «от бедра» она намекала именно на это. Теперь пойдет чесать языком, сплетницам заводским все выкладывать! Досада и желчь заполняли душу. Впрочем, поостыв, предпрофкома справедливо рассудил, что выкладывать-то сплетницам особенно нечего, что цвет его лица и обильное потоотделение мало кого интересуют, что заработанный им на производстве авторитет оградит от острых языков. Вот Семенова — та будет и дальше присматриваться, искать лазейку в его внутренний мир. Надо с ней впредь быть поосторожнее.

Шамсутдинов подошел к окну. Дождь кончился, рабочие разошлись. Последняя группа покидала проходную. Было видно, что шли напряженно, с неестественно прямыми спинами. А, отойдя чуть, расслабились, выдохнули, и повело работников из стороны в сторону. Не наладчики ли из третьего цеха? Мысли вновь побежали по проторенной дорожке повседневных забот.

Горчинка пустоты всегда возникала в душе Равиля, когда он оказывался один в кабинете после окончания смены: время проходило в постоянной суете, а оглянешься назад — ничего серьезного за день не сделано. За делами не просматривалось Дела. Терзали рефлексия и сомнения.

Шамсутдинов любил свою работу. Он вообще, в принципе, любил работу, осознавал необходимость и значимость труда как такового. Поэтому, оставаясь Равилем Хуснуловичем, персоной входящей в номенклатуру и уважаемой, он с удовольствием участвовал в субботниках, ездил по выходным «на картошку», хотя мог бы и не делать этого. При всем том, осознавая, что совместная работа наиболее эффективна, Шамсутдинов был по сути своей не коллективистом, а одиночкой, четко определявшим свой «функционал», выполнявшим его добросовестно, но умевшим предъ-

явить и другим справедливые требования. Поэтому радость коллективного труда для него была понятна и желанна, но вот удовольствия от совместного досуга после общего дела он не испытывал. Всякая же недобросовестность, уклонение от исполнения обязанностей вызывали у профлидера категорическое неприятие. Шамсутдинов искренне не понимал, например, стремления напиваться на рабочем месте. С пьяницами и прогульщиками он беседовал часто (по долгу службы). Стыдил, ругал, наказывал. Но подспудно стремился понять: почему? Зачем? Как можно плохо работать? Распекаемые работяги повинно опускали головы или смотрели, набывчась; смущенно лепетали что-то или хамили; обещали, что в последний раз... Наверное, им до боли хотелось, чтобы поскорее отпустил их профсоюзный босс, закрылась за спиной полированная дверь профкома, и вернулось все на круги своя. Шамсутдинов не понимал их, а они не могли выразить беспросветную тоску однообразной жизни, в которую только водка вносит непредсказуемость и яркость. Не могли объяснить, какой кураж в том, чтобы выпить именно там, где нельзя, какая радость в том, чтобы под хмельком работать, как ни в чем не бывало. Наконец, какое чувство бесшабашного самоуважения возникает, когда закладываешь за воротник вопреки воле родимого государства. А ведь оно чего только не делало для борьбы с «зеленым змием»: и цены-то повышало, и талоны вводило, и в километровые очереди за спиртным народ выстраивало. Однако! (С восклицательным знаком, потому что это не просто оборот речи, это то однако, которое живет в каждой русской душе). Однако никогда не сдаются партизаны алкогольного фронта. И вот уже в их руках пузырьки с зажигательной смесью: одеколон и зубной эликсир. А стеклоочиститель не забыли? А знаете, как добыть спирт из клея «БФ»? Эх, товарищ Шамсутдинов! Если нет у вас дома самогонного аппарата, вмонтированного в прикроватную тумбочку, если не дозревает в вашей ванной брага, разлитая по трехлитровым банкам, наполняя испарениями натянутые на горлышко резиновые перчатки, которые по мере брожения бодяжки из безвольно опущенной хилой кисти вздуваются в пухлую пятерню, бодро вскинутую вверх (конструкция называется «Привет Горбачеву!»), надо менять вам работу с людьми на работу с бумажками.

Люди, в самом деле, не вполне устраивали Равиля. Не то чтобы он не любил окружающих, но слишком много от них... внезапности что ли. Нелогичного много, неразумного. Собранный в управляемую массу «человеческий фактор» профсоюзник терпел: на совещании, на «пятиминутке» без народа не обойтись. И в своем кабинете один на один с кем-нибудь предпрофкома, как правило, общался со знанием дела, умело. Но как быть с человеком неподконтрольным, неорганизованным да еще развращенным болтовней о демократизации, совершенно неизвестно. Вот, например, идет Шамсутдинов с работы, а навстречу ему — разнузданные подвыпившие молодые люди. И нет поблизости ни милиционера, ни дружинников, ни комсомольского оперативного отряда. Чего ждать от такой встречи? Не ударят ли распоясавшиеся юнцы Шамсутдинова? Не оскорбят ли? Или: Шамсутдинов заходит в магазин; там продавщица. Что у нее на уме? Не обсчитает ли? Не обвесит ли? Не нахамит ли? И дело совсем не в трусости или неуверенности в себе, нет. Шамсутдинов органически не мог примириться с нанесенной обидой. От наглого напора ему становилось настолько плохо, что возникали даже физически болезненные ощущения, а отвечать грубостью на грубость он считал бессмысленным и недостойным.

Равиль был родом из большой приволжской деревни, и, как все деревенские, хранил в душе почтительное отношение к заведенному укладу, даже если не понимал его сути. Да никто и не позаботился объяснить Равилю, в чем суть. Приходилось все постигать самому, и еще мальчишкой он уразумел: жить надо спокойно, аккуратно, размеренно. Шамсутдинова с детства приучали к тому, что следует постепенно дви-

гаться вперед: от дошкольника к октябрёнку, от первого класса к десятому, от пионерии к пенсии. Необходимо соблюдать условия игры, установленные некогда какими-то мудрецами, и тогда достигнешь того, чего тебе достигнуть полагается. Не надо бунтовать, дерзить, выбиваться из коллектива, и тогда жизнь в благодарности за усердие и смирение подарит тебе тихую радость сбора плодов, предназначенных для лиц того ранга, которого ты сумел добиться, соблюдая выработанные обществом правила. И до определенного момента схема эта срабатывала безотказно. После окончания школы Шамсутдинов служил в армии, затем записался на курсы подготовки к поступлению в политехнический институт. Набранные на вступительных экзаменах баллы позволили зачислить Равиля на далеко не самый престижный факультет, испытывавший нехватку студентов, но это не огорчало парня, он учился добросовестно, занимался комсомольской работой и чувствовал себя вполне комфортно. Завершив институтский курс, Шамсутдинов получил диплом инженера и воспринял это как существенное жизненное достижение, поскольку в его деревне инженер считался человеком уважаемым и значительным. Молодой специалист влился в трудовой коллектив небольшой фабрики в одном из промышленных центров Поволжья. Производственная деятельность удачно сочеталась с общественной работой, от которой Раиль никогда не отказывался. Постепенно стали продвигать Шамсутдинова по профсоюзной линии, перевели в другой город. С того времени Раиль Хуснулович возглавлял «первичку» на участке, в цеху, стал профоргом всего завода. Казалось бы, жизнь удалась: уверенное продвижение в начальники сулило и дальнейшие успехи. Когда же началась перестройка, вдруг оказались востребованными не отличавшие Шамсутдинова умеренность и аккуратность, а качества спонтанного и неформального лидера, которым не только никто не учил Равиля, но, напротив, прежде демонстрация таких качеств считалась неприличной. Постепенно аппаратная эмансипация становилась все более отчетливой и все более неприятной, особенно потому, что новоявленные активисты, эти внесистемные выскочки, относились к опытным службистам пренебрежительно. Незаслуженная снисходительность зарождала в душе горчайшую обиду, а обид Шамсутдинов, как уже сказано, не терпел. Однако приходилось признать: судьба жестоко обманывала его, грозя отобрать обещанный некогда набор благ, и, похоже, ничего уже с этим нельзя было поделать.

Возможно, стало бы несколько легче, заведи он семью, но жениться Шамсутдинов никак не решался. Чтобы жениться, необходимо сначала познакомиться, ухаживать, а этого он не умел и не хотел учиться. Странная, необъяснимая и непреодолимая скованность охватывала его в дамском обществе. Почти не имея практики общения с противоположным полом, Шамсутдинов, тем не менее, усвоил из жизненного опыта убеждение, что женщины в наивысшей степени неорганизованные существа, что они вносят в установившиеся нормы общежития такие отклонения и завихрения, нейтрализовать которые крайне трудно. Понимая в принципе необходимость создания новой ячейки общества, чувствуя, что отсутствие семьи начинает тормозить его карьерный рост, Шамсутдинов не мог преодолеть себя и пойти на сближение с кем-то из женщин. Вот если бы какая-нибудь молчаливая и очень скромная представительница слабого пола взяла инициативу в свои руки... Однако молчаливая и скромная женщина по определению не способна к подобным инициативам. Вот если бы жена как-нибудь сама собой завелась в его доме, напоминая о себе лишь в нужные моменты, а все другое время оставаясь незаметной... Но такие примеры мировой истории неизвестны. Кроме всего прочего, Раиль удерживало от какой бы то ни было попытки изменить семейное положение понимание того, что гипотетической жене придется разрешить прикасаться к его вещам, к посуде. Да и ее вещи, вещи посторонней женщины, окажутся у него перед глазами. Это почти невыносимо! Подобно

большинству людей с тонкой душевной организацией, Шамсутдинов относился к окружающим с легкой брезгливостью.

Не было у профессионального общественника таланта любить людей. Шамсутдинов не чувствовал потребности разделить с кем-нибудь радость или беду, никогда не приглашал к себе гостей, сам посещал кого-либо лишь по необходимости. Слова «душа нараспашку» были для него напрочь лишены смыслового наполнения, поговорку «на миру и смерть красна» он не понимал и не одобрял. Чтобы отдать последнюю рубаху, чтобы за малознакомого ручаться головой — для этого нужно вдохновение, артистизм нужен, а у Шамсутдинова артистизм отсутствовал. Его осеняла крылами другая муза. Возвращаясь с работы в свою холостяцкую «однушку»...

Что такого особенного в жилище одинокого мужчины, точно сказать трудно. Да, бывает много пыли. Да, немытая посуда иногда подолгу находится в раковине. Но встречаются же иные фамильные гнездышки, которые также далеки от идеально налаженного быта. Однако даже в самом запущенном семейном доме чувствуется атмосфера пусть неказистого, но все-таки уюта, создаваемого множеством деталей, указывающих на бурное и разнообразное течение совместной жизни нескольких человек. У Шамсутдинова же в квартире отсутствовали мелочи, он держал только необходимое. Но даже не в этом дело... Слишком резок был свет лампочки без абажура, слишком прост в приготовлении ужин, слишком плотна пелена безмолвия. И вот из таких неуловимых вещей как пыль, тишина, затхлый воздух редко проветриваемого помещения материализовывалось слово одиночество и обретало диктаторскую власть, заставляя подчиняться привычкам и распорядку дня человека, не востребовавшего в частном обиходе.

Итак, приходя со службы в свою квартиру, Шамсутдинов приступал к священнодействию. После ужина он доставал из тумбы книжного шкафа толстую тетрадь в клеенчатом переплете и творил. Равиль Хуснулович писал труд философский, социологический, но отнюдь не научный, а основанный на его непосредственных наблюдениях. Это были размышления о работе руководителя и практические наставления начинающему администратору. Для чего он взялся в свое время за перо, этого Шамсутдинов не мог бы внятно объяснить. Его книгу нельзя было определенно квалифицировать ни с точки зрения жанра, ни с точки зрения стилистики, и обнародовать ее не было никакой надежды. Возникла, правда, однажды идея опубликовать записки отдельными брошюрами в серии «В помощь профсоюзному активисту», и автор даже зондировал почву по этому вопросу в Москве. Но не путь к читателю волновал Шамсутдинова — прежде всего, привлекала новая сфера деятельности. Он получал удовольствие от того, что его заветные мысли ложились на бумагу, обретали чернильную плоть. Ему нравилось выводить законы управления людьми, его формулировки поражали его самого весомостью и отточенностью. Он похваливал себя, иногда цокал языком и покачивал головой. Случались минуты, когда он становился близок к тому, чтобы захлопать в ладоши и закричать: «Ай да Шамсутдинов, ай да сукин сын!»

Действительно, получалось у него ловко, можно даже сказать — увлекательно, насколько вообще может быть увлекательна бюрократическая тематика. Шамсутдинов предлагал новые принципы систематизации учетных карточек членов профсоюза и вдруг поднимался до высот государственного планирования. Он очерчивал круг обязанностей профсоюзных функционеров с учетом их ранжирования от «первички» до ВЦСПС, а исподволь обдумывалась им заключительная глава работы, где во всем блеске предстанет фигура Начальника, где Чиновник, наконец, будет безоговорочно назван той осью, на которую опирается страна, на которой крутится колесо государства. Ведь, как ни ругай чиновников, как ни кричи о дебиюкратизации, без управленца никуда не денешься: все в стране задумывается и осуществляется именно им.

Следовательно, сатирически окрашенное восприятие в массах этой фигуры давно не соответствует ее подлинному статусу. Да, со стороны взвешенность подходов кажется косностью, а соблюдение процедур — волокитой, но находясь внутри властной системы, уясняешь, как на самом деле важно тщательно продумывать все нюансы своей работы и скрупулезно следовать существующим инструкциям.

Продвигаясь по бюрократическому поприщу, Шамсутдинов убедился, что для достижения сколько-нибудь заметного успеха требуется полное самоотречение, абсолютное изменение психики. Принадлежность к сонму чиновников делает отдельного индивида уже как бы и не совсем человеком, открывает возможность обрести частицу могущества всей бюрократической машины, оказаться причастным к «решению вопросов» независимо от положения в аппаратной иерархической лестнице. Входя в касту администраторов, человек обретает некое новое качество. Он уже не самостоятельная личность, он деталь механизма, поэтому подходить к чиновнику с применяемыми ко всем остальным гражданам мерками ошибочно. Ведь никто не требует от бабки токарного станка доброты, внимания и отзывчивости — она должна лишь выполнять свою функцию. Так и с чиновником. Если он станет с каждым посетителем по душам беседовать и чай гонять, то «завалит дело». Не сердечность от него нужна, а выполнение поставленной задачи любой ценой. И не только нравственные качества, отсутствие которых столь часто вменяют в вину чиновникам, им на самом деле не требуются — даже уровень интеллекта для государственного служащего не имеет решающего значения. Широкая общественность до этого еще не додумалась, а Равиль уже понял: будь бюрократ дуболомом из дуболомов, он может оказаться эффективнее иного умника.

Умник начнет разрабатывать новые схемы, предлагать нестандартные решения, а все это лишнее, ибо за годы работы бюрократический аппарат всей практикой своей деятельности, всеми взлетами и падениями своих представителей выработал формулу равновесия между задачами государства и собственными целями. Этот баланс общего, корпоративного и частного дался недешево — ценой бесчисленных отставок, взысканий и даже судебных приговоров, ценой инфарктов и некрологов в газетах — и теперь он настолько тонко выстроен, что любое вмешательство неизбежно приведет к его нарушению. Только попробуй, прикоснись к такому сложнейшему механизму с преобразовательскими намерениями — вмиг все пойдет прахом: либо окажутся нерешенными важные общегосударственные вопросы, что поставит под сомнение необходимость существования самого чиновного сословия; либо будут ущемлены интересы класса администраторов, без учета которых его функционирование становится проблематичным; либо предадутся забвению потребности отдельного представителя бюрократической касты, а ведь без личностно значимых стимулов он не будет работать с полной отдачей. Шамсутдинов повидал на своем веку прекрасных донкихотов, бросавшихся с копьем на административные мельницы: сейчас, мол, мы все тут исправим, и заработает куда лучше прежнего. И где те донкихоты? Смолоты в муку. А мельница все машет и машет крыльями. Нельзя с аппаратом наскоком! Нужно учитывать сопротивление материала, сопротивление мощнейшей структуры, которая живет по своим законам и которая тем сильнее сопротивляется изменениям, чем эти изменения масштабнее. Люди, далекие от государственной службы, воспримут этот пассаж пессимистически, но дело тут не в чьей-то злой воле или ретроградстве. Все определяется открытым Шамсутдиновым волшебным свойством чиновников регенерировать свою систему, пользуясь благоприобретенными уникальными качествами личности. Невозможно сердиться на ящерицу за то, что она наделена способностью восстанавливать утраченный хвост; не следует подвергать управленца критике за беспринципность или, напротив, отсутствие гибкости. Для

толкового бюрократа и то, и другое вполне естественно и порой даже необходимо. Обществу следует понять и принять: устоявшийся «ход дела», таинство «движения бумаги» от одной инстанции к другой, механика «решения вопросов» гораздо значимее, чем поиски оптимальных путей работы чиновника как такового. Хорошо, что сами функционеры это понимают и умело ограждают себя от нападков разумников-реформаторов, бьют их еще на дальних подступах.

А то ведь и другого пошиба бывают умники: быстро усвоив тонкости службы, разобравшись в мере своей свободы и степени ответственности перед вышестоящими товарищами, оценив все преимущества принципов «хода дела», «движения бумаги» и «решения вопросов», начинают ловко использовать свое служебное положение в личных корыстных целях. С такими явлениями надо беспощадно бороться, считал Шамсутдинов, поскольку они тоже снижают результативность работы госаппарата. Этот недостаток, эти издержки производства всем давно и хорошо известны, но где обходятся без издержек?! Главное в другом: вреда для дела от нечистых на руку чиновников меньше, чем от пришлых новаторов.

Озаренный своим вдохновением, Шамсутдинов отчетливо понимал: лучший чиновник — это робот, который не ищет новых путей для достижения цели, а действует по вложенному в его программу алгоритму. Вот как сформировать достаточное количество таких живых роботов — вопрос, ответа на который пока не было. А вопрос этот, безусловно, важнейший в отношении будущего страны и поступательного развития экономики, и для разрешения этого вопроса, по разумению Равиля, можно было пойти на любые жертвы и эксперименты. Впрочем, данный раздел записок еще не прорабатывался автором подробно, поскольку он сосредоточился на одной из злободневных тем.

Постигнув особую, надмирную сущность чиновника, преобразующую все его существо, Шамсутдинов развивал мысль о том, что номенклатура должна обрести в обществе особый же статус. Такая позиция привела Шамсутдинова к восприятию положенных чиновничьему клану льгот как чего-то само собой разумеющегося — это лишь небольшая компенсация за постриг человека в бюрократы, за ту гигантскую ответственность, которую он возлагает на себя, освобождая от нее других. Вот, например, ему, Шамсутдинову, завод на второй же год служения выделил отдельное жилье, а сотни рабочих, как и раньше, ждут ордеров на квартиру. Справедливо ли это? Ну вот так, положи руку на сердце? Да, справедливо, отвечал себе Равиль, ибо ему, ответственному работнику, для исполнения своих обязанностей необходимы иногда уединение и сосредоточенное бдение в тишине, а отошедший от станка гегемон может отдохнуть после смены и в общежитии или коммунальной квартире. И не должны, никак не должны в единой очереди толкаться директор завода и какой-нибудь безалаберный наладчик из третьего цеха — от этого сплошное расстройство и тому, и другому. Вот именно: и тому, и другому. Не только начальнику следует создать особые условия существования, но и основную массу населения надо бы ограждать от смущающих картин труда и быта начальства, обозначить достаточно герметичную социальную нишу, в которой народ будет себя чувствовать увереннее, солидарнее и даже свободнее. Более того, по мнению Шамсутдинова, спецзаказы к праздникам и, скажем, поликлиники для руководящего звена далеко не в полной мере компенсируют нервные и временные затраты чиновника, претерпеваемые им при исполнении должностных обязанностей. Обществу следовало бы взять на себя попечение и о душевном состоянии представителей административного аппарата. Социуму не может быть безразлично, как живет государственный человек, чем он дышит, и даже каково его настроение, ведь, придя на работу в плохом настроении, он может какой-либо вопрос решить некачественно, что приведет к ухудшению положения в

стране в целом. А поскольку народ в этом объективно не заинтересован, то обязан окружить аппаратного работника сугубой заботой. Например, для него, для Равиля Хуснуловича, неплохо бы подобрать семью, пока сам он занят составлением проектов улучшения жизни. Ни времени, ни сил для одновременного устройства семейной жизни и разработки важнейших организационных принципов у него самого не хватает, вот и могли бы какие-нибудь добровольцы побеспокоиться о нем, пока он, в свою очередь, беспокоится о государстве — об их общем государстве. Справедливо? Справедливо. Вместо этого в стране предпринята яростная атака на слой управленцев, развернута оголтелая кампания по «борьбе с привилегиями»...

«Это все политика, политика вмешивается в ход дела!» — сердился Шамсутдинов. Он без романтического восторга относился к КПСС, коммунистические лозунги его не волновали, а слова вождя «Профсоюзы — школа коммунизма» и вовсе воспринимались почти недопустимой натяжкой. Но аппаратную школу партийного работника Равиль считал идеальной — вот где совершенствуется чиновник, вот где достигает он подлинной высоты. Партийные функционеры руководят всюду: в дипломатии, в армии, на производстве... И степень их подготовки такова, что руководителями они становятся универсальными: из колхоза их можно «бросить на культуру», оттуда перевести в область медицины — везде работают. Может быть (этого Шамсутдинов еще не додумал), может быть, им помогает идеология, которой они владеют. Но, в любом случае, налицо гигантское влияние именно административной выучки: субординация, умение приспосабливаться, ощущение своей касты — все это прекрасные качества, поставившие партноменклатуру вне конкуренции, ведь даже сотрудники КГБ предпочитают не связываться с ней, что уж говорить о заматанных советских чиновниках или хлипких профсоюзниках. Эх, если бы выучку профессиональных коммунистов да всем чиновникам (особенно в сфере торговли и бытового обслуживания трудящихся)!

Постепенно фигура госслужащего обретала в труде Шамсутдинова четкие очертания, и чем масштабнее виделась эта фигура, тем быстрее испарялись очарование идейного размаха и восторг выражения его на бумаге. Шамсутдинов не то чтобы охладел к своей тетрадке, но начинал понимать, что одной тетрадки мало, что необходимо перенести свое теоретизирование в практическую плоскость. Но как это сделать? Какие реальные шаги предпринять, воплощая замысел бюрократоцентричного общественного устройства? Нужно было каким-то ярким примером доказать всем вокруг свою правоту, требовалось какое-то из ряда вон выходящее событие, которое утвердило бы новую модель отношений населения и управляющего им класса. Но экстраординарных случаев, даже в масштабе одного завода, пока не происходило, и Шамсутдинов продолжал работать над своими записями. Важнейшая мысль была уже высказана, многократно проверена, вот только немного еще дописать, подправить оставалось. И он трудился, как черт, невзирая на усталость и борясь со сном.

Вот и сегодня Равиль отложил разгоряченное административным вдохновением перо лишь в половине четвертого. В комнату моментально ворвались тишина и темнота ночи, подчеркнутые стуком будильника и жестким безбажурным светом лампы под потолком. И, показалось, само время шагнуло в комнату. Показалось, что в пыльном воздухе одинокого шамсутдиновского жилья витает не только кислый запах котлет-полуфабрикатов, но и нечто важное. Словно какое-то понятие (может быть, даже смысл существования человеческого рода на Земле) крутит хвостиком, скачет по мебели.

«Завтра поймаю!..» — сказал себе Шамсутдинов, выключая свет и валясь на кровать. Глаза слипались, а воспалившийся от работы мозг все еще не мог уgomониться. Вдруг вспомнилось о назначенном на завтра распределении путевок в пионерский

лагерь областного актива. «А сейф-то я закрыл?» — подумал Шамсутдинов как-то некстати. Потом так же нелепо вспомнился разговор о нелепо забеременевшей Володиной из третьего цеха. «Да не о том я... Надо что-то важное понять... Почему все же таки такой перекося? — вновь задался Равиль вечным вопросом, вспомнив о своем неустойчивом положении в общественной системе ценностей.— В чем суть жизненных явлений и ситуаций? Да, да! Все оттого, что критикую я в своих записках! Человеческий фактор проклятый. Он все пускает сикось-накось. В неживой природе, в механизме вся суть предмета есть его функция. Камень лежит — он есть лежачий камень. Шестеренка названа шестеренкой, потому что у нее шесть ренок... Каких ренок? Ерунда какая! Засыпаю! Ну и правильно, надо выспаться перед работой... Так. Шестеренка крутится, передает свое вращение другим частям станка. А у людей? Назван предмет Володиной Марией, так и веди себя соответственно. Нет, выкидывает фортели, как дама с камнями... Или что там бывает у дам? Камеи что ли?.. Вот есть ты работница цеха № 3, ну и работай. Выполняй свои обязанности в указанном цеху. Так нет! Все какие-то сложности создаешь другим людям. Общество должно действовать, как отлаженный механизм. А сейчас что? Такие механизмы выпускаем, что с завода — прямо на свалку. Брак в обществе — брак на производстве. Или наоборот? Брак на производстве — брак в обществе? Это я додумую. Вообще-то, брак — это женитьба. Ну да — надо жениться. Всюду у нас брак, всюду бардак. Из-за чего? Во-первых, из-за пьянства, во-вторых, из-за таких вот Володиных... Которые, как дама... С чем это дама-то? А, да! С собачкой».

«Собачка!» — радостно удивился Шамсутдинов. Но это уже во сне было. Какая-то приبلудная дворянка тупо тыкалась носом в каменные плиты-ступени, но ничего не вынюхала, побежала по аллее прочь. Шамсутдинов проводил ее взглядом и вдруг разглядел, что не аллея уходит вдаль, а длинный проход между рядами могил. А сам Равиль нашел себя стоящим на паперти церкви. Странное было ощущение: наяву никогда Шамсутдинов и близко не подходил к культовым зданиям, а во сне все так детально представлял, что даже обратил внимание на потрескавшуюся от жары зеленую краску на дверях собора. Постепенно наваждение реальности сновидения сменилось страхом, безотчетным и непобедимым, как это часто бывает в снах. Неведомо от кого, от чего Шамсутдинов закрывался руками, пятился, горбился, пока, наконец, не рванул на себя начищенную медную ручку церковных дверей и не ступил в гулкую сумрачную прохладу. Шамсутдинов услышал голос священника, затем хор поющих голосов. «Отпевают!» — подумал Равиль. Глаза привыкли к полусвету, и он обнаружил, что храм, казавшийся ему пустым, полон народом. Оказалось, не отпевание, а венчание — белое платье невесты выделялось из темной толпы. Шамсутдинов воспринимал совершавшийся обряд как-то раздвоенно: оттуда, где он стоял, от самого порога, видны были ему фрачные, сюртучные и атласно-шелковые спины гостей, матово блестящие короны над головами молодоженов, но одновременно он видел жениха и невесту и с другой стороны, как будто находился у алтаря. Некая старомодность свадебных нарядов сперва осталась им незамеченной, а теперь все более занимала. Впрочем, еще более занятным казалось вспомнить, где он раньше видел жениха. Лицо невесты закрыто непроницаемой фатой, а жених, несомненно, знаком. Откуда? Бородка клинышком, пенсне... Да это же Чехов! Сам Антон Павлович, вместо того чтобы стоять в сторонке и по капле выдавливать из себя раба, женится! Шамсутдинов не сводил с Чехова глаз. Знаменитая бородка чуть задрана к потолку, пенсне поблескивало, отражая свет свечей и лампад, ослепительно белой казалась рубашка в сочетании с безукоризненной чернотой фрака, пышная хризантема цвела в петлице. Чем дольше Равиль смотрел на классика (и в лицо, и со спины), тем отчетливее проникал в его мысли. Чехов был расстроен: «Зачем эта свадьба? Я же просил:

не надо. Как это все неприлично! Шафер, гости, фраки. Потом поедут к столу, станут пить водку и кричать «горько». Разольют соус на скатерть. Боже! Какая пошлость. Ведь я ее просил: не надо свадьбы. Как я здесь оказался? Как меня провели?»

Шамсутдинову жалко стало писателя. Равиль с осуждением посмотрел на невесту. Она была выше Антона Павловича, под свадебным покрывалом лица ее не различить, но что-то кукольно-фарфоровое угадывалось под фатой. И что-то волчье...

Свадебная процессия сходила по ступеням паперти, невеста откуда взявшиеся дети сыпала под ноги молодым супругам розовые лепестки. Дамы смахивали слезы, мужчины с набриолиненными волосами довольно потирали руки. Только Чехов выглядел подавленным. У церкви стояла карета. Шамсутдинов бросился к экипажу, наперерез нарядной толпе. Он раскинул руки: не пушу. Благородное собрание пришло в замешательство. «Стойте! — крикнул Шамсутдинов. — Остановитесь! В человеке все должно быть прекрасно!» Эти слова подействовали на гостей как заклинание. Фрачные мужчины съезжились и почернели, дети исчезли, из-под фаты раздался вой. Чехов облегченно улыбнулся. Прекрасные умные и грустные глаза его с благодарностью глядели на Равиля. «Спасибо! Ты спас меня!» — телепатически внушил писатель Шамсутдинову. Чехов вдруг отделился от земной поверхности и стал подниматься в воздух. Медленно удаляясь, он благословил Шамсутдинова: «Краткость — сестра таланта! Помни об этом, Равиль! Оставайся всегда таким же сосредоточенным на своей идее и немногословным. Я буду тебе помогать. Может быть, когда-нибудь мы завершим твою книгу, и людям откроется свет новой истины. Но теперь я сердит на тебя. У тебя на заводе высокая текучка!» Шамсутдинову стало обидно: он постоянно отслеживал отток и приток работников на предприятии, и принятые меры привели к устойчивой тенденции сокращения текучести кадров, что было явной его заслугой. Но только лишь он собрался просветить на этот счет классика, Антон Павлович замахал на него правой рукой, проворно достал из нагрудного кармана фрака белый шелковый платок, собираясь утирать выступившие от смеха слезы: «Ха-ха-ха! Я тебя разыграл, пошутил: я ведь начинал как юморист. Но шутки в сторону, теперь я абсолютно серьезен. Я сердит на тебя из-за твоей самоуверенности. Ты не понимаешь правоты других. Граф Лев Николаевич Толстой как-то сказал мне на Капри: «Никто не знает настоящей правды». Задумайся над этим, Равиль. Ты должен научиться понимать то, что невыразимо словами! Заключим договор: ты спас меня от женитьбы, а я помогу тебе закончить твою книгу. Но и тебе следует идти по выбранному пути до конца. Теперь ты должен будешь жениться вместо меня». Чехов улетал все выше и выше, голос его звучал слабо; в продолжение всей речи писатель часто и ритмично хлопывал себя левой рукой по карману фрачных брюк. Это было неприятно. Кроме того, Равиль не понимал, почему именно ему снится именно Чехов. Но последовавшие слова писателя неожиданно растрогали и обнадежили Шамсутдинова: «Не унывай, Равиль, я помогу тебе разрешить загадку: как сказать нечто, ничего не сказав; как обмануть, говоря правду; как опередить всех, никуда не спеша; и, наконец, как понять смысл разговора, которого не было. Запомни отгадку...» Дальше разобрать что-либо было невозможно, какой-то набор звуков, какая-то аббревиатура; только смех вновь отчетливо звучал с высоты. А потом Чехов запел нарочито громко и противно: «Поспели вишни в саду у дяди Вани! У дяди Вани поспели вишни!..» Залихватское пение доносилось уже из-под облаков. «Словам должно быть тесно, а мыслям просторно», — прошептал в ответ Шамсутдинов, глядя в поднебесье, и глаза его наполнились слезами благоговения.

Когда он опустил взгляд и огляделся, то обнаружил себя в окружении. Кольцо фраков медленно, но неуклонно сжималось вокруг него. Выражение лиц джентльменов было зловещее. Со всех сторон сбегались все новые и новые желающие разде-

латься с освободителем жениха. Шамсутдинов увидел, как из кареты вывалился свадебный генерал, вытягивая саблю из ножен. Дамы повисли на руках генерала, а тот наливался кровью, пыхтел, косил глазом на Равиля и все пытался выхватить оружие.

«Спокойно! — выдохнул Шамсутдинов.— Спокойно. Я женюсь на ней!»

«Я женюсь на ней!» — сказал Шамсутдинов вслух и проснулся. Щеки его обволакивали теплые соленые слезы. Он взглянул на будильник и понял, что непоправимо проспал. Словно катапульта выбросила его из постели. За тридцать секунд он побрился, за две минуты оделся и выбежал из дома. Молниеносный переход от сна к яви не давал разобрать, спит ли он еще или уже бодрствует. Производя ежедневные, доведенные до автоматизма действия, Шамсутдинов не осознавал реальности и не удивился бы, если бы встретил на лестничной площадке Чехова, а у подъезда его поджидал бы кровожадный свадебный генерал. Яркость отлетевшего сновидения была настолько сильна, что Шамсутдинов невольно всех встреченных людей и окружающие предметы наделял мистической способностью к трансформации, и подсознательно был готов к такой трансформации.

Надежды успеть на работу вовремя не было никакой, но Равиль упрямо спешил. Ему повезло: на автобусной остановке притормозил нужный номер. Ему повезло дважды: водитель подождал, пока опаздывающий добежит до машины. Ему трижды повезло: пассажиров в салоне было мало, автобус почти не задерживался на остановках, и на проходную Шамсутдинов влетел всего на девять минут позже, чем во всякий другой день. Это был рекорд, это была несомненная удача. И потом весь рабочий день Шамсутдинов, голодный и невыспавшийся, радовался этой удаче. И все у него получалось, и неразрешимые прежде проблемы разрешались сами собой. Невольно вовсе не суеверный профорг воспринимал все это как знак свыше. В общении с окружающими был на удивление оживлен, сыпал цитатами из классиков, не совсем, впрочем, точными. Коллеги про себя удивлялись нервически-приподнятому настроению профсоюзного босса, отмечали его начитанность, вслух выражали радостное согласие с мыслями мудрых людей. Равиль хитро и ласково подмигивал сослуживцам, как бы говоря: «Никто не знает настоящей правды, только мы с Чеховым знаем!»

Но когда заводской гудок возвестил окончание смены, словно что-то сломалось внутри Шамсутдинова: он вдруг почувствовал чудовищное опустошение и нечеловеческую усталость. Без сил опустился он в кресло. Почему-то в голове председателя профкома всплыла фраза: «Я женюсь на ней!» «Ну да, надо жениться»,— безвольно заключил Шамсутдинов. Бессонница ли, общая напряженность нервов после сумбурного ночного видения, застарелая тоска хронического одиночества или неосознаваемая до поры натужность работы тут сказались, но Равилю вдруг самое нелогичное в его жизни решение показалось нерушимо логичным и неизбежно правильным. Шамсутдинов ясно осознал, что ему действительно надо жениться. И он понял, на ком он женится — на Володиной Марии, незамужней беременной девственнице из цеха № 3.

«А что? — думал Шамсутдинов.— Да. Женюсь на ней. Она будет мне благодарна, а я займусь воспитанием мальчика. Сделаю из него настоящего руководителя, передам ему опыт».

Перспектива воплотить в жизнь свои идеи, вырастить идеального администратора так захватила Равиля, что он даже не задумался над тем, сколько времени пройдет, пока ребенок станет государственным деятелем. Да ведь, в конце концов, могла же родиться и девочка! Но неожиданное и, безусловно, сумасбродное желание уже овладело профруководителем. Шамсутдинов впервые в жизни отважился на серьезнейший шаг без предварительного обдумывания и дополнительного анализа. Он взялся за телефон и набрал номер заводского общежития.

— Алло! Это председатель профкома говорит. В какой у нас комнате проживает Володина из третьего цеха?

III

— Правильно, Равиль Хуснулович! Поговорите с ней. Давно за них взяться надо, за шалашовок! До свидания,— и тетя Дуся положила телефонную трубку.

Это была та самая тетя Дуся, которая вчера не хотела пускать Виктора Алексеевича в комнату дочери. Тогда, прибыв в город, утомленный тряской в автобусе, а еще больше волнением путешественника и тяжестью багажа, селянин не чуял под собой ног; он мечтал лишь о том, чтобы донести, наконец, свои сумы переметные до места, освободиться от вдавливающего в землю груза и тихонько подремать, хотя бы даже привалившись спиной к стене. Потому, добравшись до рабочего общежития, в котором жила Машка, Володин, не останавливаясь, попер мимо не замеченного им сначала стола, за которым воздвиглась поджавшая губы бабка, одетая, несмотря на летнее время, в пальто и подвязанная теплым платком. Но оказалось, что здесь ожидало мужика, может быть, самое серьезное испытание за весь тот длинный день. Нескладная долговязая старуха, похожая на непропорционально растолстевшую цаплю, остановила приезжего и подвергла суровому допросу.

— К кому? — нарочно громко переспрашивала тетя Дуся. — К Володиной?

В ответ, лаская слух вахтерши, в гулком вестибюле общежития возникал глуховатый отголосок и откатившейся волной возвращался к ее столу. Эхо обитало в доме на правах ничейного котенка, которого понемногу подкармливают все сердобольные жильцы. Тете Дусе чрезвычайно нравилось играть с ним или, точнее сказать, будить и дразнить его, поэтому привратница любила вступать в длительные перебранки на повышенных тонах, при этом постоянно прислушиваясь к отзвукам речи. А когда поскандальит, даже просто поговорить было не с кем, она начинала специально производить какой-нибудь шум: скрипеть стулом, кашлять, напевать что-то. Правда, голос у Дуськи был наипротивнейший, слух напрочь отсутствовал, так что редко накатывавшие вокальные припадки раздражали даже саму исполнительницу (пожалуй, единственное, что ее в себе раздражало). Зато сморкалась она часто и самозабвенно, издавая своим длинным носом трубные звуки, вслушиваясь в то, как они постепенно замирали на лестничных пролетах по всему зданию. Радовало старую также включение телефонного зуммера: переливчатые звонки летали по коридору, наподобие стаи встревоженных птиц, металась от стены к стене. Дуся пропускала пять-шесть сигналов, а затем неторопливо снимала трубку с рычажков, вещала веско: «Общежитие слушает!» И одно эхо сменялось другим. Красота!

Ну а Виктор Алексеевич во время дознания, устроенного въедливой бабкой у порога общежития, испытал целую гамму неприятных чувств — от смущения до возмущения,— вроде той, что испытывают мужчины в раздевалке общественной бани, если к ним вдруг вломится уборщица, гремя ведром, шлепая по полу разбухшей от воды и грязи тряпкой. Тогда смолкают раскаты рокотавших разговоров, еще минуту назад клубившихся, подобно пару; тогда раскрасневшиеся голыши поеживаются, как от потянувшего сквозняка, и сердито кутаются в простыни; тогда стекающие по щекам с мокрых шевелюр капельки воды кажутся слезами оскорбленной невинности, а в установившейся тишине слышатся лишь шварканье швабры да скрежет жестяной посуды по кафелю.

Стоя чуть не навтыжку пред олицетворением пропускного режима, Лексеич, не единожды уже повторивший, к кому он направляется, в глубине души хотел сейчас одного: немедленно убраться восвояси, только бы не иметь дела с туповатой и злобной старой каргой. Если не было бы за плечами всех перенесенных тягот пути, Володин, в самом деле, сплюнул бы в сердцах и ушел, чтобы не слышать впиливающегося в мозг голоса дежурной. «Вот стерва!» — ругал про себя вредную бабу Виктор Алексеевич, тоскливым взглядом скользя по тоскливым квадратам облицовки на стенах.

— К Володиной? — в очередной раз гаркнула Дуська, с удовольствием оценивая, какой качественный отклик рождает ее голос.

Возникшее отражение звука вызвало у Виктора Алексеевича новые коробящие ассоциации, на этот раз медицинского характера: на столе в операционной — беспомощный пациент, обреченный на безжалостное препарирование. От вахтерши, вроде бы, даже пахло хлороформом, а в ее голосе так отчетливо звякали хирургические инструменты, что колхозный звеньевой всерьез забеспокоился: «Как бы чего не оттяпали, в самом деле!»

А тетя Дуся только входила во вкус, начиная свое излюбленное представление:

— К Володиной... Есть такая. А вы кем ей приходитесь?

— Отец,— процедил допрашиваемый, но в горле как назло запершило, он сорвался на кашель, так что ответ нельзя было разобрать, и он сам это понимал. Получилось все как-то до неприличия по сценарию вахтерши. Лексеич поторопился откашляться, чтобы повторить громко и четко: «Отец», рассчитывая, что произнесенное гордо, весомо слово это утратит бытовую приземленность и зазвучит возвышенным своим смыслом; вот тогда негодная старуха устыдится, ведь не мальчишка стоит перед ней, а взрослый заслуженный человек.

Но тетя Дуся опередила колхозника. Не была бы она тетей Дусей, Дусинеей Тобольской, как прозвал ее ехидный инженер-холостяк с пятого этажа, если бы дала заявившемуся к ней мужику хоть минуту продыху. Нет, ей надо было помучить посетителя, показать всю значительность своего положения и непреходящую ценность своей должности, а деревенские жители как нельзя более для таких целей подходят.

— А? Чевои-то не слышу! Чево вы говорите? — с упоением кричала Дуся. — Кем вы Володиной приходитесь?

Виктор Алексеевич (про себя): «Чертова кукла!» Вслух:

— Отец!

— Отец? Документ покажите! Мы пускаем родителей только по документу,— в этом акте ломаемой комедии тетя Дуся ничего интересного не ожидала: удостоверение личности у Володина, конечно, есть. Какой крестьянин в город без него поедет? Это с местными она забавлялась: «Нету паспорта? Беги домой!»

Виктор Алексеевич документ и впрямь предъявил. Тетя Дуся выдвинула ящик стола, достала оттуда очки и, водрузив их на нос, стала изучать бумагу.

Один за другим, а то и группками, рабочие возвращались после смены в общежитие. Дусинья отрывала взгляд от володинского паспорта, поверх очков зорко оглядывала входящих. «Пропуска предъявляйте! — Утробный голос вызывал новые раскаты эха в царстве тети Дуси.— Так. Проходи. Так». Виктор Алексеевич стоял у стола, понуро свесив голову. Вещички его лежали у ног. Заводчане с нехорошими улыбочками оглядывали остановленного гостя, косились на Дуську. Володину все вокруг стало противно до безразличия.

Дотошная тетя Дуся между тем бесцеремонно листала паспорт визитера, водя носом, как указкой. Старуха узнала точный возраст посетителя и даже зачем-то дату его рождения, выяснила адрес прописки, а также то, что у Машки Володиной есть брат. Все эти сведения, не имевшие к делу никакого отношения, почему-то вызвали живейший интерес вахтерши. Кроме того, Дусинья со злорадством отметила для себя зафиксированные фотографиями неутешительные изменения, произошедшие с лицом Виктора Алексеевича за время, протекшее между заменой карточек. Удовлетворив любопытство, Дуська нехотя подала «корочку» владельцу. Володин уже потянулся было за документом, но руки их так и не встретились — на столе взорвался электрической трелью телефон. Положив перед собой паспорт, для пущей сохранности накрыв его ладонью, дежурная быстро глянула на Лексеича: смотри, мол, как я всем

нужна! А ты тут отвлекаешь... Трубку плавно и значительно поднесла к уху, отвернув при этом край головного платка.

— Общежитие слушает,— торжественно произнесла привратница. Да, сегодня был ее день. Все получалось как по заказу.

Закончив бестолковый, нудный и многословный разговор по телефону, Дуська снова раскрыла паспорт Виктора Алексеевича и изучила его еще раз. Потом с некоторым сожалением возвратила документ хозяину. Наш колхозник (наивный!) торопливо сунул красную книжицу в карман и подхватил свою неподъемную поклажу, собираясь поскорей пройти мимо опостылевшей старухи. Но та остановила его новым вопросом:

— А... эта... что у вас в сумках?

Володин сначала оторопел от такой беспардонности, а потом стал приходить в себя, избавляться от странного гипнотического влияния тети Дуси. Откуда-то из живота поднималась и росла, заполняя всю грудную клетку, темная злоба. Что учинить в ответ на бесконечные придирки? По-деревенски смачно послать бабку ядреным трехэтажным, чтобы у нее уши в трубочки свернулись? Гаерски кривляясь, разложить тут же на полу привезенные припасы, устроить филиал колхозного рынка? Продиктовать любопытной вредине подробный реестр гостинцев, приговаривая: «Пиши, пиши, продразверстка хренова»? Все эти варианты ответных действий одновременно крутились в голове; Виктор Алексеевич не знал, какой из них выбрать, и боялся, что не сдержится, сорвется на что-нибудь совсем безобразное. Однако совладал с собой, призвав на помощь легендарное крестьянское терпение, решил не обострять ситуацию, поскольку, как казалось, скоро ему позволят-таки пройти на столь строго охраняемый объект. Мужик вновь поставил у ног злополучный багаж, глубоко вздохнул и буркнул, словно извиняясь за всю деревню-матушку, привыкшую пичкать город плодами своего непомерно тяжелого труда:

— Продукты...

— Самогонки нету? — вахтерша, нацелившись глазом на подозрительные баулы, гудела, как рентгеновский аппарат.— В общежитие спиртные напитки проносить не разрешается.

— Да нет. Какие спиртные? Я же к дочке!

— Ну что ж — к дочке... Мало ли что... Я тебя пропущу, а ты водки пронесешь. Они напьются, будут бляндать, облюют все общежитие. А мне из-за тебя неприятности.

— Да нету у меня водки. Что ты? Нету.

— Ну, ладно. Пишите заявление,— разрешила Дуся.

— Какое заявление? — В очередной раз опешил Виктор Алексеевич. Он никак не мог понять, за что такую муку претерпевает, как можно задерживать его на пути к дочери, к родному человеку. Колхозный звеньевой, отправляясь в областной центр, знал, что дорога будет трудной, что отнимет много сил и времени, но никак не рассчитывал, что самым непреодолимым окажется вот этот рубеж у распроклятой вахты, когда он уже, может быть, в дух минутах от встречи с Машкой.

— Мы родителей только по заявлению пропускаем,— гордо сверкнула буркалами Дусиня.

Что за заявление такое? Как его писать? Кому? Все эти вопросы ставили Володина в тупик, выхода из которого не предвиделось. С авторучкой он обращался куда менее умело, чем с плугом, заполнить чернильными значками белый лист бумаги казалось ему задачей несравненно более сложной, чем вспахать и засеять раздольное поле. А тетя Дуся, видя, какой телок деревенский попался ей, воспарила в вахтерских эмпиреях: теперь она могла долго объяснять порядок пропуска посторонних в общежитие, диктовать приезжему текст заявления, ругать его за допущенные ошибки, не-

довольно поторапливать, что неизбежно приводило к новым ошибкам и многократному переписыванию бумаги. Наконец, взмокший Лексеич поставил внизу исписанного листа свою корявую подпись, а его мучительница сквозь очки внимательно изучила шедевр канцелярского стиля. Пока все шло как по нотам, и Дуся испытывала то, что в выступлениях руководителей партии и правительства так удачно называлось чувством глубокого удовлетворения. Однако заключительный акт представления, разыгрываемого старухой, готовил для нее настоящий катарсис. Дуська дождалась, пока крестьянин взвалит на горб свои сумки, протопает по коридору шагов пять, а потом в спину ему словно выстрелила:

— До одиннадцати часов, не позже. Позже в общежитии посторонним находиться запрещается.

Лексеич так и замер:

— Как — до одиннадцати? А потом куда ж я денусь? Я же к дочке...

— Не знаю, куда. В гостиницу иди. Тут тебе не ночлежка. Комендант проверяет, чтобы посторонних не находилось.

Потом был скандал. Потом вызывали коменданта общежития, ругались, отчаянно жестикулировали, показывали друг другу документы. И, конечно, Виктора Алексеевича пропустили, разрешив остановиться на три дня в комнате дочери, а тех, кто с ней в настоящее время проживает, договорились временно переселить в другие номера к вящей досаде бдительной старухи. Причем тетя Дуся заранее знала, что в итоге победа будет не на ее стороне, но — вот ведь характер! — не могла никак отказаться от любимой потехи. Так ее и распирает от желания незнакомого человека вывести из себя, взбесить, разогреть до точки кипения. Дусиня сама порой не рада бывает, ввязываясь в очередную сшибку с кем-нибудь, а обуздать темперамент не в силах, ибо столько бодрости вливается в нее во время ожесточенных споров, столько молодого зубастого задора, что ради этих минут она готова мириться с беспокойной, неблагодарной и неприбыльной своей должностью. Когда же яростные препирательства заканчиваются, Дуся отчасти сожалеет о затеянной бузе, но недолго. Она всегда охотно и безоговорочно прощает себя, ведь всем известно, что интеллигентское самокопание угнетающе действует на психику, да к тому же вредно для пищеварения. Поэтому люди, серьезно относящиеся к своему здоровью, стремятся поскорее избавиться от ощущения неловкости и переложить ответственность на окружающих.

Само собой разумеется, тетя Дуся после произошедшего инцидента вынесла однозначное решение: виновниками случившегося конфуза являются Володины. Сегодня, еще до звонка Шамсутдинова, она уже успела показать своим недругам, что дело не кончено, далеко не кончено: когда отец или дочь проходили мимо вахты, дежурная демонстративно отворачивалась и поджимала губенки. В такие моменты (подвязанная платком, с руками, скрещенными на животе, и сложенными буквой «ха» ногами) она до смешного напоминала матрешку.

Получив вчера во время неистовых пререканий с приезжим колхозником желанный заряд живительной энергии, Дуська размышляла теперь над тем, как бы заставить этого неотесанного мужлана, проникшего все-таки через границу ее владений, до конца осознать, с кем он связался. Именно на нем, на родственнике столь ненавистной постоялицы, хотелось отыграться на всю катушку.

Машка Володина не понравилась старухе с первого же дня: какая-то слишком сосредоточенная та была, слишком самостоятельная. Раза два Дусиня пыталась спровоцировать новенькую на скандал, но ничего путного из этого не выходило. Володина не дерзила, но и не испытывала должного пиетета перед монументально значительной фигурой вахтерши, не впадала в священный трепет перед стражем раздолбанных скрипучих дверей, не пасовала перед неистовствовавшей ведьмой, которой

до судороги хотелось, чтобы взыграла горячая кровь этой ладной девахы, чтобы часть ее юной силы перешла в одряхлевшие вены цербера общежития.

В отличие от других девок из деревни, дур простодырых, которые по-козьи растопыривали глаза на чудную городскую жизнь, Машка больше глядела как бы внутрь самой себя. «Больно гордая! Ну, ладно, подождем», — скрывая досаду, мыслила тетя Дуся, многократно убедившаяся в том, как легко ломает город и простушек, и гордячек, и смысленных, и глупых — любых. Когда же стало известно, что Володина, незамужняя, да и не имевшая, насколько понимала Дусиня, постоянного ухажера, беременна, старуха первое время упивалась торжеством свершившейся по воле небесных сил мести: «Поняла теперь, куда попала? То-то! Таких вот гордых и надо учить. Прямо мордой их, да об стол, да так приложить, чтоб на всю жизнь запомнили». Наконец-то все увидят позор и унижение самонадеянной соплячки! Пускай теперь повоюет! Пусть помучается без мужа, без семьи, пусть настрадается в безденежье и презрении окружающих. Однако скоро стало понятно, что Машка свой девичий позор таковым не считает. Она не сгорала со стыда, не проваливалась сквозь землю, хотя была грустна и проходила мимо вахты, почти всегда потупив взгляд, но не от осознания своей непоправимой вины, а опять-таки, словно бы задумавшись, размышляя над чем-то крайне важным для нее.

Тете Дусе это было не только неприятно, но и непонятно; это разрушало стройную картину мира, сложившуюся в воображении старухи, ведь, по ее разумению, жизнь должна была оперативно и жестоко наказывать тех, кто не соответствовал критериям высшей справедливости. Высшая же справедливость заключалась в следующем. Во-первых, всем надлежало оставаться бездетными. Сама Дуська во время войны, еще совсем молоденькой, была мобилизована на трудовой фронт (копать противотанковые рвы) и, работая на суровом осеннем ветру, в холоде да слякоти, застудилась, а потому не могла иметь детей. Значит, было бы правильно, если бы как можно больше других женщин постигла бы та же участь. Во-вторых, справедливость требовала, чтобы бабы в большинстве своем коротали бы свой век одиночками, а уж те, которые выходили замуж, должны были пожизненно маяться с непутевыми супругами. Эта ипостась высшей правды опять-таки отражала судьбу самой тети Дуси: все встречавшиеся ей мужики были так себе... Ни статью, ни темпераментом они не отличались (Дуська, между прочим, их по большей части и винила в том, что не оставила потомства), любили прикладываться к рюмочке, легко становились подкаблучниками. Какое-то время Дусиня терпела очередного кавалера, периодически закатывая для энергетической подпитки сцены шекспировского размаха, но быстро охладевала к избраннику, после того как он переставал оказывать хотя бы какое-то психологическое сопротивление, — даже ругаться с ним становилось неинтересно. Поэтому тетя Дуся расставалась с мужчинами без сожаления, постепенно привыкнув и полюбив жить одна, а с годами каждая замужняя, имеющая детей женщина стала казаться ей нарушительницей непреложных установлений, стало быть, подлежала всяческому гноблению. И если по отношению к соседкам или знакомым Дусиня чувствовала себя в роли общественного заседателя, то уж на рабочем месте она облачалась в мантию верховного судьи, чье решение обжалованию не подлежит.

Кого из заводских девчат, проживавших в охраняемом общежитии, казнить, кого миловать — это она определяла каждый раз по своему произволу. Если на ком-то выжигалось клеймо «Больно гордая» или «Шалашовка задрипанная», то рассчитывать на снисхождение не приходилось: мелкие придирки, скандалы, доносы и наушничество доводили преступницу до исступления. А иногда удавалось тете Дусе организовать травлю по всем правилам, обложить свою жертву с разных сторон, не только привлекая начальство, но и поднимая массы, ссоря подруг, плетя коварные интриги; тогда уж несчастной оставалось лишь бежать из общаги. Однако и у самой отпе-

той нарушительницы была возможность избежать плачевной участи! Повинись девка перед владычицей вахты, обозначь свое страдание, покажи смятение перед лицом неотвратимого возмездия за грех своеволия, и суровая мстительница оборачивалась участливой тетушкой, прощала беспутную, иногда даже возводила ее в разряд любимиц, которым изредка разрешалось без пропуска пройти, да и на возвращение под казенный кров после двадцати трех часов закрывались глаза. Дуська ведь незлая, по сути, женщина...

А Машка Володина свой шанс на помилование упустила. Поэтому сегодня, поговорив по телефону с самим Шамсутдиновым, узнав, что тот интересуется Машкой и собирается посетить общежитие для серьезного разговора, Дусиней ликовала: теперь негодяйка непременно поплатится, да еще в присутствии отца! Если уж заводской профком подключился к делу, то, значит, допрыгалась Володина. Доигралась! Хорошо бы товарищеский суд над ней устроили. Тогда рядом со столом дежурной повесили бы плакат: «Осуждаем аморальный поступок М. Володиной!» И тетя Дуся сидела бы под этой надписью, каждую минуту ощущая свой триумф... Жаль только, что давно уж захирели товарищеские суды, а активисты перестали выпускать обличительные «молнии» с карикатурами. Тете Дусе подобные стенгазеты в свое время ужас как нравились. Да ладно! После звонка из заводоуправления ничего хорошего Машке все равно ждать не приходится, и отцу ее, хаму деревенскому, предстоит испытать унижение. От предвкушения тотального торжества справедливости тете Дусе становилось тепло на сердце, а язвительная улыбка то и дело проползала по ее лицу.

Мария, проходя мимо, не могла не почувствовать, что к всегдашней затаенной агрессивности вахтерши добавились импульсы злорадного торжества, но анализировать причины изменения частоты оборотов всеобщегитейного генератора желчи сил не было — их надо было экономить для подъема по крутым лестничным пролетам. Сегодня Машка выходила в первую смену и после работы задержалась на часок в скверике недалеко от общежития, чтобы подышать свежим воздухом, что настоятельно советуют врачи будущим мамам. Взбираться после рабочего дня и прогулки на четвертый этаж было трудновато, но Машка упорно двигалась вверх, сопровождаемая нескончаемыми звуками «Ламбады», звучащей из множества магнитофонов на каждом этаже, чуть ли не в каждой комнате. В этой назойливой песне, будто бы сделанной из папье-маше, за натужным весельем отчетливо слышались ноты всепобеждающей пошлости, и диковатая мелодия в сочетании с тарабарщиной текста воспринималась как inferнальный гимн пропавшего поколения, живущего в бесперспективное время.

Невольное прослушивание обрыдшей «Ламбады» повторялось изо дня в день и со временем стало неизменным музыкальным сопровождением возвращения в общагу. Но если враждебная музыка из далекой страны превратилась в угнетающую константу бытия, то самочувствие Марии после каждой длительной прогулки менялось. Иногда при подъеме по лестнице накатывало головокружение, иногда одолевала вдруг непривычная для молодой женщины одышка, но Маша никогда не останавливалась, чтобы передохнуть на площадке, поскольку боялась встретить чей-нибудь косой взгляд (злобного зырканыя Дуськи более чем достаточно). Да, честно говоря, и сочувствующих глаз видеть не хотелось, потому как настала пора жизни, когда необходимо духовно укрепиться для непонятного пока ей самой подвига, а всякое сочувствие в такой момент расслабляет. Машка без остановок карабкалась на четвертый этаж, чтобы поскорее скрыться в комнатухе на шесть коек.

Нельзя сказать, чтобы там молодой женщине было уютно: соседки открыто не осуждали ее, однако сторонились, словно боясь подхватить беременность воздушно-капельным путем или заразиться вирусом безбрачия... А однажды разгульные девки из комнаты напротив (видно, в сильном подпитии) устроили Маше абсолютную подлость: узна-

ли, когда девчонки вышли в ночную, и Машка осталась одна, и посреди ночи втокнули через порог пьяного в лоскуты мужика, после чего, давясь дебильным смехом, убежали. На, мол, тебе, Володина, муженька! Что прикажете делать? Сдвинуть с места этого здорового борова Маша не смогла, вызывать милицию не захотела... Так и пришлось проситься ночевать к знакомым, подальше от вонючего храпуна. В общем, укрыться от неприятностей в общажном закутке невозможно.

Но, по крайней мере, в этой комнатенке у Марии есть собственный уголок, куда можно забиться, и, укрывшись с головой одеялом, очутиться в отдельном мирке. Впрочем, симуляции уединения недостаточно для психологического комфорта. Хотелось, чтобы кто-то пожалел, обнадежил, успокоил мятущуюся душу, тянуло высказать кому-то родному затаенную гордость подательницы новой жизни, смешанную с терзающими страхами.

Так было и вчера, когда, будто по волшебству, явился отец. Машка как раз лежала на кровати под покрывалом, и не сразу отреагировала на скрип распахнувшейся двери. Сначала Мария услышала стук опущенной на пол тяжести, потом сбивающееся дыхание, которое вызывало полузабытые ассоциации. Она откинула край одеяла и встретила взглядом с Виктором Алексеевичем. Маруся замедленно, как во сне, поднялась с кровати, двинулась к нему, постаревшему за тот год, что они не видались, по-деревенски милому, но уже и чужому капельку. Отец и дочь обнялись коротко, затем отступили на полшага, не размыкая рук. Ничего не произнесли они в первую минуту, лишь смотрели друг на друга, пытаясь в глубине глаз разобрать нечто значительное, невыразимое словами.

Марии нестерпимо хотелось немедленно облегчить душу, высказать всю неизбежную тоску своего пребывания на земле, но она не знала, с чего начать. На что пожаловаться в первую очередь? На то ли, что при встрече с родным человеком ее неприкаянность обозначилась вдруг четче и непоправимее? На то ли, что именно ей непонятно за какие грехи досталась неказистая доля разочарованной одиночки? Кого винить в том, что все так сложилось? Неужели родителей, которые, давая жизнь, тем самым ввергают свое дитя в безбрежную меланхолию сущего? Или само бытие, столь тяжко ступающее по судьбам, что только человеческие ошметки летят в стороны? Бессмысленны и смешны подобные упреки! Рассказать батю, что жизнь похожа на вахтершу тетю Дусю? Бестолковая старуха, сознательно не злая, осознанно не добрая, она занята исключительно собой и соприкасается с людьми лишь для того, чтобы высосать из них все соки, напитаться ими и вновь с оскорбительным безразличием топтать дальше. Невозможно предугадать, как отнесется она к человеку: подчас она бывала приветлива с Марией, временами не замечала Марию, сейчас она сердита на Марию... Поймет ли папка аллегория? Согласится ли с дочерью?

И она молчала, глядя в отцовские глаза. Молчание их росло, ветвилось, заполняя собой кубатуру комнаты, соседние улицы, весь город. Молчание превращалось в невидимые, но непролазные заросли тишины, становилось непреодолимым. Никогда уже не прорваться сквозь это молчание к откровенному, добросердечному разговору! Великая несправедливость непостижимости друг для друга самых близких людей накрывала Марию бумажной волной, сероватой, уже начинающей желтеть от времени страницей школьной хрестоматии по литературе, где изображен был кудлатенький старичок в очках. Там-то, на этой странице, под завершающимся восклицательным знаком непонятным словом, набранным латиницей, — заголовком стихотворения — и написано, что никогда не постигнуть другому прихотливый ход твоих думок. Упрямо поджав губы, составленный из черточек гравюрный старичок со скрытой угрозой смотрел на Марию из вечности, но тогда, в годы ученичества, это казалось несерьезным, потому что бог знает в каком году один из шалопаев-выпускников подрисовал ему фиолетовыми чернилами усы и бороду.

Вот ведь странно! Вся мудрость мира находится на страницах наших старых школьных хрестоматий, а нам кажется, что хрестоматия — это хлам. Нас хватает лишь на то, чтобы, как ленивый двоечник, полистать нехотя ветхий том и шаловливой рукой подписать рядом с древним текстом неприличное слово. Мы стремимся отыскать нечто интересное, значительное за новенькими глянцевыми обложками, резко пахнущими свежим клеем; а забытое здравомыслие пылится на полке книгохранилища, а незаполненные библиотечные формуляры нерадивых учеников напоминают могильные плиты: год поступления — год окончания. И пустота оборачивается бессмысленностью.

Смириться же с утратой смысла сложно. Вот и Марусе казалось, что все случившееся с ней в последние месяцы должно иметь разумное объяснение, надо только собраться с мыслями, побыть с собой наедине. Но этого как раз не получалось: в цеху ежеминутно требовалась полная включенность в работу, в общегититии постоянно раздражал не прерываемый никакой рефлексией речевой поток болтающих соседок. Теперь же отвлек от размышлений о самом важном приезд отца, которому надо будет объяснить то, что она сама пока до конца не поняла.

Осознание сути произошедшего приходило к женщине медленно и мучительно. Когда врач заводской поликлиники объявил ей о беременности, Машке показалось, что страшлось что-то чрезвычайно важное, но будто бы не имеющее к ней непосредственного отношения. С Марией ничего подобного не должно было стать! Ее жизнь рисовалась ей совсем по-другому: романтические отношения, замужество и лишь потом рождение ребенка. Так положено! Таков устоявшийся порядок вещей, от которого Мария не собиралась отступать. Нет, нет, все это приключилось с кем-то другим!..

Потребовалось время, чтобы ощутить на своей (на своей!) шее медленно придавливающую пяту тяжело переваливающейся с ухаба на ухаб жизни-жестянки. Обманывать себя было уже невозможно: именно она, Маша Володина, путалась под ногами шествующей своим неисповедимым путем судьбины. Воспринятая не только умом, но всем существом, суровая правда усилила бремя житейского гнета; безрадостные последствия нелепой случайности вырисовывались все отчетливее, поэтому так и не распустилось в душе счастье материнства. Удивление, страх, ощущение безысходности, досада последовательно сменяли друг друга. В итоге, победив все остальное, укоренилось в душе чувство ответственности, которую невозможно никому перепоручить. Не только в том смысле, что Маруся отвечает отныне за ребенка — к такой ответственности она, воспитанная строгим деревенским укладом, была готова. Ответственность в данном случае явилась синонимом наказания: теперь придется расплачиваться за все двадцать лет, что прожиты на свете абы как, без продуманного плана; за то, что сама она рождена женщиной, а стало быть, обязана продолжать род человеческий; и за то следует отвечать, что убежала некогда из родной деревни в город, и за новые знакомства, за прочитанные книги... Ей было бы легче, если бы она знала за собой какой-нибудь грех — значит, и воздается ей по заслугам. Но не существовало ни вины, ни ошибки, а только жизнь. Загадочная и мощная жизнь, которая вершила свой ход так непостижимо. Невозможно предугадать, чи косточки затрепчат под ее стопой в следующий момент, нельзя предвидеть, кто вдруг начнет извиваться от боли при ее следующем шаге. Тут уж не помогут ни отец, ни мать, ни родственники, ни знакомые. Полная беспомощность и абсолютное одиночество достались нам в удел.

Машка представляла это себе так: будто бы ее существование протекает на донышке плотно прикрытой никелированной кастрюльки. Если долго-долго стараться, карабкаться по скользким стенкам, сползая поминутно и вновь стремясь выползти, если потужиться неимоверно, чтобы приподнять крышку, то можно будет, наконец,

высунув голову, оглядеться вокруг. Тогда-то и обнаружится, что твоя кастрюлька находится внутри другой, большей, кастрюли. А та, в свою очередь, стоит в кастрюлище, тоже безнадежно гладкой и герметично закрытой, тоже металлически равнодушной. Мария не умела вообразить, что находится вокруг той кастрюлищи, но боялась, что там обнаружится еще более объемистая, уже абсолютно непроницаемая кастрюля... А вот теперь оказалось, что и сама Мария начала превращаться в кастрюльку, ибо стала вместилищем для зарождающейся жизни. И, видимо, Марусе предстояло произвести на свет новую кастрюлечку...

Восприятие всего сущего как бесконечного ряда субстанций, поглощаемых более крупными подобиями, еще до беременности довлело над Марией. Она слыла замкнутой, не было у нее ни закадычных друзей, ни задушевных подруг, ни жениха. Расширение круга знакомств представлялось ей бессмысленным, поскольку новые взаимоотношения требуют значительных затрат времени и душевных сил, а результатом всегда является одна и та же блестящая металлическая пустота.

Обосновавшись в городе, Володина на первых порах общалась лишь с приехавшими на заработки из отдаленных местечек девчонками, которые без рассуждений, без колебаний несли свои жизни на алтарь никелированной пустоты. Но уже через месяц Маруся старалась при первой возможности сбежать от вызывавших скуку, утомление, раздражение верных служанок имманентной кастрюльности и все чаще устремлялась туда, где встретить лимитчицу по определению невозможно. В областном центре таких мест оказалось немало: театры, библиотеки, музеи... По правде сказать, учреждения культуры Машка воспринимала поначалу враждебно — укрытия для белоручек и бездельников, не более того. Но свято соблюдавшиеся здесь тишина и чистота вызывали невольное уважение, заставляли думать, что, видимо, есть в этом известный горожанам, но недоступный пока для нее смысл. Мария, всегда отличавшаяся наблюдательностью, стала приглаживаться к публике, собирающейся в просторных парадных залах, бархатных амфитеатрах, гулких аудиториях, и заметила, что среди залетных бестолочей, вроде нее самой, встречаются посетители совсем иного рода. Это были искушенные эстеты, опознававшие друг друга по взглядам, по интонациям, по полусловам. Оказывается, существуют определенные знаки, которыми обмениваются избранные! Крестьянской дочери занятым показалось войти в круг посвященных, поэтому она неожиданно для себя испытала удовлетворение, когда в этом странном и чуждом сообществе появились у нее знакомые — студенты местных вузов. Со временем состоялось даже несколько свиданий. Машке было интересно, что творится в головах членов тайного ордена культуртрегеров, а что студенты находили в Машке, трудно сказать. Возможно, их привлекали милая неуверенность в ее поведении и напряженное, пожалуй, даже отчасти болезненное внимание, смешанное с наивным почтением, обозначавшиеся на лице девушки, чуть только беседа касалась абстрактных тем. Возможно, притягательной для юношей оказывалась ощущаемая в Марии почти каждым человеком внутренняя цельность, надежность, обстоятельность. А возможно, молодые люди рассматривали сельскую простушку как легкую добычу, которая будет внесена очередной пометкой в чей-нибудь донжуанский список. Парни есть парни, хоть деревенские, хоть городские, и на уме у них одно и то же: начинают наваливаться в темных местах, хватать руками... Иногда Маруся, уступая жаркому зову пола, позволяла некоторым вольности на грани допустимого, но духовного родства, эмоционально окрашенной привязанности ни к кому не возникло. Неизбежное проклятое одиночество с новой силой накатывало после каждой вспышки страсти.

Порой Мария сердилась на себя за непреодолимую отрешенность от окружающих, пыталась стать такой же, как другие, но вскоре ей надоедало играть чужую

роль, и она продолжала по-прежнему дичиться, да так ни с кем и не сблизилась, всегда ощущая за живой плотью людей металлические кастрюльные стенки.

С началом беременности женщина вовсе отгородилась от остальных, замкнулась окончательно. Хотелось сосредоточиться на своем внутреннем мире, плотнее закрыть сверкающей крышкой нелюдимости, никого не пускать внутрь.

Вот почему Мария так упорно молчала во время неожиданной встречи с отцом. Она не чувствовала возможности до конца раскрыться, даже глядя в глаза близкому человеку, о разговоре с которым мечтала всего за несколько минут до его прихода. Если уж рассказывать о своей жизни, то рассказывать предельно честно, не пропуская ни одного нюанса. Но если подробно, не нарушая причинно-следственной связи, поведать о том, что произошло с ней за год самостоятельной жизни, то повествование это окажется бредом, гротескной фантазмагорией. Ну, действительно, невозможно объяснить, почему это посещение филармонии через определенное время приводит к зачатию ребенка! Законы логики тут не действуют, уступая место законам мистики.

Мария молчала в ответ на расспросы бати, мол, что да как; она молчала и тогда, когда Виктор Алексеевич, поняв без всяких ее слов, что деревенские пересуды — правда, стал стыдить и ругать дочь свою. Потом пришли со смены соседки по комнате, чтобы, собрав кое-какие вещи, перебраться в другой номер. Пока девки суетливо толкались рядом, с затаенной колкой веселостью поглядывая на Володиных, отец и дочь не проронили ни слова. Когда же девчонки ушли, Виктор Алексеевич продолжил нотацию, а Мария по-прежнему хранила молчание. Не объяснять же отцу свою кастрюльную философию!

Лексеич же старался пронять дочь, используя весь доступный ему арсенал ораторских приемов: взывал к лучшим чувствам, усовещивал, страшал, но добиться толку не мог. О девичьей чести вещал, о позоре на всю деревню; напоминал, как они с матерью были добры к Машке, как старались баловать ее по мере сил... Говорил, и сам не мог до конца понять: к чему он все это? что хочет услышать в ответ? Слова произносил правильные, но какие-то пустоцветные, вялые. Как на колхозном собрании, когда тебя заставили выступать, и ты бубнишь с трибуны то, что положено, а слушатели кивают в такт твоим словам да думают о своем. Как прорваться сквозь пелену слов к смыслу? Существует ли он, этот безусловный, не подверженный изнашиванию смысл? Ведь и девичья честь — понятие эфемерное, несколько книжное, и вседеревенский позор на словах только страшен (не она первая, не она последняя), да и отцовскую любовь жизнь давала ему возможность проявлять всегда слишком скупую, чтобы он мог теперь требовать какого-то особого к себе отношения со стороны Марии. А самое главное: стало ясно, что словами ничего не решишь и не изменишь. Чего уж теперь балаболить!

Увидев свою девочку, убедившись, что она в положении и что положение дел никак не поправишь, Виктор Алексеевич хотел, в действительности, лишь одного: живого родственного общения. Но оно никак не завязывалось, а потому наш колхозник распалялся все больше, желая во что бы то ни стало добиться искреннего проявления дочерних чувств. И вот он повторял уже говоренное, сам от этого раздражаясь, раз за разом талдыча: «Честь... Позор... Мы ж тебя как любили...» Пора уже было прекратить никчемную распрю, пора было подумать о ночлеге, посидеть в тишине за чаем, обсудить важные деревенские новости, однако отец всерьез завелся и не мог остановиться. Он ждал, чтобы Машка бросилась к нему с объятьями, просила бы прощения, раскаивалась. Чтобы хотя бы всплакнула...

Нет! Дочь, будто каменная, молчала, сопела, смотрела в угол. «Чужая, чужая совсем стала», — думал Виктор Алексеевич. Сидела напротив него вроде как незнакомая девка, лишь некоторыми чертами отдаленно напоминающая володинскую породу, не больно красивая (впрочем, и не страшная), не шибко ладная (хотя и не коря-

вая). Посторонняя, но все-таки милая сердцу! Непутевая, но, вместе с тем, правая какой-то непонятной ему правотой, хранящая свою тайну, к постижению которой мужчина не в состоянии даже приблизиться. Что теперь поделаешь? Нечего делать! Оставалось одно: всеми силами помогать ей хранить и пестовать загадочное нечто, возраставшее в глубине женского естества, то, что Мария ревниво прятала ото всех.

Чувствуя, что откуда-то с высоты со свистом прилетело и непонятно почему именно его тюкнуло в темя неприятное слово «дед», Виктор Алексеевич до боли отчетливо представил дальнейший ход событий на много лет вперед. Ему и жене предстояло отказаться от собственных чаяний, нужд, привычек. Отныне все время, все силы будут отданы дочери и ее ребенку — это столь же ясно, сколь непререкаемо. Но как же не хочется принимать внезапно вынесенный тебе судьбиной пожизненный приговор, приговор без снисхождения, без права на обжалование! Потому у Виктора Алексеевича (хотя по-настоящему он уже не серчал) никак не получалось сменить родительский гнев на милость.

Так было сутки назад, когда отец и дочь впервые увиделись после продолжительной разлуки. Сегодня же, так и не выяснив до конца отношений, Володин решил тоже отмалчиваться. Виктор Алексеевич рано утром ушел со двора, чтобы показать Машке, насколько раздражен против нее, а вернувшись под вечер, устроился у распахнутого окна, свернул самокрутку. Находясь за день по городу, крестьянин думал сейчас совсем не о семейных неурядицах. Надоело! Да и что толку мозги зазря сушить! Практичным своим умом Виктор Алексеевич понимал: переживай — не переживай, а ничего не изменишь. Надо в очередной раз приспособиться к крутому (такому уж крутому, что поневоле зло берет!) повороту судьбы, чтобы затем в очередной раз подивиться собственному долготерпению. Надо как-то ломать жизнь дальше. Нет, ну какая это все же штука — жизнь. Ты ее ломаешь, а ломает она тебя. С другой стороны... Как это так: ломает? Пока с завидным постоянством в противостоянии с судьбой держал верх Виктор Алексеевич, и было у него все нормально, не хуже, чем у других.

Другим бывало тяжелее, чем Виктору Алексеевичу: вот, например, у Кольки-соседа... Хотя, при чем тут другие? Человек всегда остается один на один со своими бедами, со своей жизнью, и никогда никого не спасали советы да примеры. Посторонние люди вряд ли помогут в твоей беде (в жизни, то есть). Конечно, приятно, коли посочувствуют, пособят чем-нибудь. Но никакая подмога не избавит от ощущения горя, не уменьшит физической боли. Разве только подаст надежду, что рано или поздно окончится твоя жизнь — пройдет твоя беда. Оно, наверное, хорошо, что жизнь-беда у каждого личная. Свой крест ни на кого не переложить, но и тебя лишним не нагрузят, за чужое с тебя не спросят. Так уж, идешь по пробитой стежке, ни шатко ни валко, идешь, учась осознавать себя человеком, за себя отвечать, собой управлять...

В конце суматошного дня усталые мысли как-то смешивались, переливались в переменчивом русле. Да и кто может однозначно сформулировать, о чем думается, когда ты стоишь в наползающих сумерках у раскрытого окна, куришь терпкий самосад, а пыльный августовский ветер колышет занавески, и так невыразимо красиво небо над темными крышами, а воздух читается, как книга, в которой умилительно просто повествуется о бытии: «Май родил Июнь, Июнь родил Июль, Июль родил Август. Во времена же императора Августа лето пришло в упадок. Дикие северные племена совершали многие набеги, захватывая несметное золото листьев. И воцарилась новая династия. И если Сентябрь был мягким, просвещенным правителем, то Октябрь и Ноябрь были жестоки и коварны, многих пытали, а некоторых убили. Они упивались осенними дождями и, наконец, спились окончательно, а власть перешла к

строгую, но справедливую Декабрю, отдаленным потомком коего был доблестный Май. А потом Май родил Июнь...»

Виктор Алексеевич пересчитывал в памяти впечатления прошедшего дня. С утра, когда стало понятно, что разговора по душам от Машки не дожидаться, отец поспешил прочь из-под чуждого ему крова. Душно было крестьянину среди перемешавшихся запахов отхожего места и подгоревшей пищи, среди зловония, которое неизменно возникает там, где обитают равнодушные к собственному жилищу люди.

Выйдя на улицу, Лексеич побрел куда глаза глядят, желая развеяться, отвлечься от невеселых дум. Из всех городских развлечений выбрал он самое, на его взгляд, толковое — посещение торговых точек. Весь день он бродил по магазинам, дивясь их размерам: «Наших-то сельмагов тут десятка два влезет». Поражала Володина, привыкшего к скромным интерьерам, также отделка универмагов и универсамов. Однако всюду за фальшивым блеском кафеля и пластмассы крылась нищета подавляющего своей непреодолимостью дефицита.

Длинные полки и застекленные прилавки либо пугали абсолютной пустотой, либо были заставлены жестянками с морской капустой. Виктор Алексеевич сперва не мог разобраться, что за консервы такие, почему их никто не берет. Потом прочел ценник и удивился: «Нешто в море растет капуста?» Потом уложенные в причудливые пирамиды консервные банки стали раздражать его своей геометрической безысходностью, и он перестал на них смотреть. Продукты же, заслуживающие внимания (крупы, сахар, мука, масло), а также мыловаренная да москательная продукция, если попадались, то предназначались лишь горожанам, а потому продавались по карточкам, которых у Володина не было.

Однако, несмотря на невозможность отовариться, Виктора Алексеевича манили длинные вереницы покупателей, он хотел бы слиться с говорливой массой, постоять в гуще народа час-другой, чтобы послушать умных городских пенсионеров или даже при случае поделиться своим богатым жизненным опытом. Но врожденная деликатность мешала крестьянину пристроиться за кем-нибудь в затылок: чего понапрасну место захватывать? Вдруг тому, кому положено, товара не хватит? Ведь могут же работники торговли, как это часто бывает, сказать: «Все, больше не занимайте!» А Лексеич-то уж влез, просто так, из одного своего глупого любопытства, и тогда законный обладатель талона останется ни с чем. Нет, так себя вести нельзя, ибо место в очереди соотечественников — вещь сакральная, с этим не шутят. Очередь стала неизменной данностью советского строя. Мы выстроились друг за другом, кажется, еще в предреволюционные месяцы семнадцатого года и простояли семьдесят с лишком лет, несмотря ни на какие катаклизмы. Пожалуй, очередь — такой же государственный атрибут, как флаг или герб. Поэтому Виктор Алексеевич никак не решался без веских оснований, из одних познавательных устремлений присоединиться к сообществу, именуемому очередью. Он долгое время лишь прогуливался вдоль колонн насупленных людей, которые, впрочем, неярко излучали сокрытый в глубине души оптимизм, поскольку объединены были определенной надеждой.

И все-таки один раз колхозник пристроился в «хвост» (давали маргарин): уж больно интеллигентного вида старушка замыкала очередь. Хотелось с ней пообщаться, услышать красивую, правильную речь, узнать что-нибудь интересное, запомнить манеру высказываться. Чин по чину подошел с ней Лексеич: «Вы крайняя? Я за вами». Но, простояв не менее получаса, приезжий не узнал ничего значительного — одни только рецепты засолки огурцов, которыми обменивались культурная бабка и стоявшая перед ней пузатая тетка. Вот тебе раз! Выглядят по-городскому, а треп такой же, как у наших баб! Ни глубины, ни утонченности не скрывается, оказывается, за respectableм фасадом. Удивляясь тому, насколько обманчивой бывает внеш-

ность, Виктор Алексеевич под благовидным предлогом («Ща, я за сумкой схожу!») убрался из гастронома.

Неоглядные нервные очереди за спиртным даже в магазины не вмещались, все были напоказ. Володин долго примеривался к одной: ринуться в это бурлящее человеческое море или не рисковать? Не то чтобы выпить хотелось, он, скорее, желал проверить себя, испытать, сумеет ли добыть вина, когда вокруг творится такое! Крестьянскому взору открывались картины эпического масштаба. Несчетные человеческие ресурсы без всякой разумной надобности сконцентрированы были вокруг точек продажи алкоголя. Кто переминался с ноги на ногу, кто присел на корточки, кто слонялся от одной кучки людей к другой. Роевой говор, одиночные выстрелы, а то и залпы озлобленного смеха, скандалы, вспыхивающие, как протуберанцы, когда пытались осадить наглецов, лезущих не в свой черед...

Осатанелые мужики, похоже, сутками находились здесь, сбившись в попыхи-вающую сигарками толпу, с которой не справлялись наряды милиции, упорно выстаивали часы и часы, чтобы за несколько минут до закрытия магазина вырваться из его дверей, словно из адских врат, бережно прижимая к груди кургузые, непривычного вида бутылки, в которые нынче разливают водку. Лексеич сразу понял, что в такой «хвост» становятся не только для приобретения выпивки — это была суровая молодецкая утеха, развлечение для настоящих мужчин, объединившее охоту с кулачным боем. Такая очередь каждому бросала вызов: ну, что? попробуешь? Или кишка тонка? «Не полезу. Убьют еще...» — решил для себя Виктор Алексеевич, и (Бог свидетель!) он не зря волновался за свою жизнь.

Наблюдая за происходящим со стороны, Виктор Алексеевич смутно припомнил эпизод из какого-то военного фильма: не то привал партизанского отряда, не то стоянка гусарского полка. А если уходить еще глубже в подсознание и историю, то представлялась песенно-сказовая вольница Стеньки Разина. Слово «вольница» точнее всего определило бы настроение собравшихся в этом месте людей, если бы они были действительно вольными, если бы не находились в крепостной зависимости от водки. Может быть, правильнее было бы использовать слово «банда»? Многочисленное скопление атаманов Кудеяров, в которых пока что совесть Господь не пробудил... В любом случае, Виктор Алексеевич видел перед собой не очередь, а отряд, который еще не в деле, но моментально может ринуться в жесточайшую схватку. И таких отрядов в одном лишь областном центре десятки. А сколько их по всей стране?.. Зачем же такое сотворили? Невольно думалось, что кто-то устроил все это с недобрым умыслом.

Деревенский гость двинулся по городу дальше, стремясь все-таки извлечь какую-то практическую пользу от пребывания тут: «Может, табачком хоть разживусь?» Однако ни в одном магазине Виктор Алексеевич не обнаружил очереди за табачными изделиями. Тогда остановил пробежавшего мимо паренька: мол, где бы купить курева? Тот поднял Володина на смех: «Ты что, дядя? Ты откуда вообще приехал? Уж сколько времени сигареты по спискам на работе распределяют! Ну, спросил!» При этом парень преувеличенно эмоционально покачивал головой, показывая всем вокруг крайнюю степень ироничного удивления глупым вопросом приезжего, так что Виктор Алексеевич поспешил отойти от него, бормоча про себя: «Смотри, как бы башка не открутилась, умник! Тут у вас в городе уж и спросить ничего нельзя! Ну и буду дальше по-стариковски самосад курить!»

Потом он заходил в промтоварные магазины, приглядывался к ассортименту, но ничего не мог купить: продавцы спрашивали «визитку». «Визитка» — слово небывалое, почему-то Виктору Алексеевичу казалось, что обозначает оно какой-то картуз. Понятно, что на самом деле тут крылось что-то другое. Во-первых, в городе в картузах никто не ходит, а во-вторых, среди покупателей полно баб, какой им картуз... В одном универмаге Лексеичу на глаза попала юная девица в форменном халатике,

настолько юная, что ее нежный возраст, казалось, гарантировал отсутствие равнодушия к окружающим, а тем более хамства. Набрался деревенщина смелости, подошел и спросил девчонку, что есть эта самая «визитка». «Ну, это такая... карточка покупателя», — девочка округлила глаза, жеманно вытянула губки, пальчиками чертила в воздухе прямоугольники. Хорошо, что не захихикала, по крайней мере.

«Опять, стало быть, карточки. Карточек нету у меня, — размышлял Лексеич. — И чего это снова на карточки перешли? Совсем, видать, кранты приходят. А может, это городские сговорились нас под край подвести? Ишь как огородились от нас! Словно в другом государстве живут. Вот и я — вроде русский, а как в заграницу приехал. Туды не ходи, того нельзя. Вроде и рублишки есть, а ниче на них не купить. Во как огородились-то! Ну ладно, ладно. Мы вот у себя в деревне свою коммунию откроем, поглядим, кто от кого огородится быстрее».

С такими мыслями направился на колхозный рынок. Здесь дивиться приходилось не столько разнообразию снеди, сколько непомерной стоимости ее. Крестьянская душа порадовалась — эвон как высоко ценят продукты сельскохозяйственного труда! Но отцовские чувства пришли в смятение: «Ничего не укупишь! Машка-то сидит, вишь, без мяса, без молока, а ей рожать!» Вспомнил тут жену, хорошим словом вспомнил хозяйку свою, хлопотунью, что собирала неподъемные сумки; да и сам он теперь, поглядев на городское житье, еще мешок картошки лично взгромоздил бы на загорбок, попер-потачил бы хоть пешим ходом. Дочь стало жалко, Виктор Алексеевич заторопился в общежитие, по дороге купив к чаю румяную поджаристую булку — настоящее лакомство.

Но в казенной комнате он нашел Машку холодной и замкнутой, как вчера при разговоре, не нуждающейся в жалости. И булка показалась ему невкусной, и чай, заваренный дочерью в общей кухне, — горьким.

Вот после этого нерадостного и несытного ужина Виктор Алексеевич растворил пошире оконные рамы, завертел табачок в газетку, чиркнул спичкой, затянулся. Поминутно он, словно флагман парусного флота в бою, окутывался клубами дыма, который постепенно улетучивался через распахнутый проем. Августовские сумерки внизу, у тротуара, уже загустели в черный гуталин, а наверху, над крышами соседних домов, еще плескались розовым киселем.

«Кури, не кури, а легче не становится, — про себя отметил Виктор Алексеевич. — Эх! Да и что же тут стоять!» Он засадил глубокую, на четверть самокрутки, затяжку, при этом часто и быстро перебирая пальцами, чтобы не обжечься, а когда газетная бумага тлела уже у самых губ, сильным коротким движением кисти выбросил чинарик на улицу, к дверям общежития, к беленым комлям посаженных у входа тополей. Красивую быструю дугу прочертил в воздухе горящий уголек. Достигнув земли, окурок (тоже красиво) подпрыгнул и рассыпался мелкими искрами.

Проследив за обреченным полетом красно-черного огонька, Виктор Алексеевич заметил (или показалось в потемках?), что бычок отскочил чуть ли не на штанину какому-то человеку, пытавшемуся заглянуть с панели в распахнутое окно. «Че такое? Че ему надо?» — обеспокоился Лексеич и перегнулся через подоконник, напряженно щуя глаза. Однако ничего уже невозможно было отчетливо разглядеть за слоями окрашивавшей городские кварталы газовой сажи. Или подозрительный тип скрылся за ближайшим деревом? «Да нет, должно быть, почудилось», — решил Володин. И тогда он закрыл створки, задернул занавеску, а Машка включила свет.

(Продолжение следует)

